

ЗНАКИ СУДЬБЫ
Татьяна Форш

*Цыганское
проклятье*

Татьяна Форш
Цыганское проклятье

«ЭКСМО»

2015

Форш Т. А.

Цыганское проклятье / Т. А. Форш — «Эксмо», 2015

Какие мрачные тайны скрывает полуразрушенный монастырь? Говорят, с ним связано страшное проклятье, а спрятанный в его стенах клад безуспешно пытались найти многие. Федор, приехавший в эти дикие места в составе съемочной группы, вначале рассматривает поиски клада как забавное приключение. Но чем дальше, тем серьезнее игра. И вскоре становится понятно, что молодой человек оказался здесь не случайно.

© Форш Т. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Форш

Цыганское проклятье

© Гессер Т., Вель А. Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Моему близкому другу Андрею Коваленко посвящается.
Спасибо за помощь и поддержку!*

*Все персонажи, имена и события вымышлены.
Любое совпадение с реальными людьми случайно.*

Пролог

– Дарине, внученька, подойди ближе.

– Бабушка, почему ты меня так называешь? Мое имя Дарина.

Смуглая девушка коснулась лба маленькой сухой старушки, лежащей среди тряпья. Та вдруг закашлялась и дотронулась до горла скрученными артритом пальцами, похожими на птичью лапку.

– Бабушка! Бабушка, не уходи, прошу тебя! – По смуглому лицу девушки покатались слезы.

– Дарине, все хорошо, мой час пришел, – хрипло выговорила старушка, как только приступ закончился. – Но я не могу уйти, не передав тебе наше семейное сокровище. Уже много поколений оно переходит от матери к дочери. Только твоя мама умерла, когда ты была совсем малышкой, поэтому я сделаю это за нее. Помоги мне подняться.

Девушка покорно подала руку, в которую старушка вцепилась неожиданно крепко.

– Не удивляйся. Это наше сокровище мне сил придает, – с трудом улыбнулась она, глядя в глаза внучки, – но час мой близок. Зима пришла слишком рано, но, как и предсказывала, я уйду вместе с первым снегом.

Девушка, бережно поддерживая ее, помогла сесть, изо всех сил сдерживая рыдания. Ей было очень больно. Бабушка заменила ей мать. Обучала, когда заметила, что у внучки просыпается дар предвидеть будущее, и не смотрела искоса, как многие в таборе.

– Открой сундук. На дне возьми икону...

Дарина нерешительно подошла и открыла тяжелую крышку. Под разноцветными платками она нащупала какую-то деревяшку, замотанную в цветастую ткань, и вытянула ее на свет.

– Это, бабушка?

– Да. – На лице женщины заиграла счастливая улыбка. Морщинки будто разгладились, и сама она словно помолодела. – Иди ко мне. Сядь рядом.

Девушка послушно уселась на край лежанки и протянула старушке свою находку.

– Разверни и посмотри на нее внимательно.

Положив икону на колени, она осторожно сняла цветастую ткань и ахнула. Словно в водную гладь заглянула. Перед ней лежала старая, потемневшая от времени икона, с которой ласково и чуть печально на нее смотрела она сама. Такие же черные глаза, копна вьющихся волос, смуглая кожа. Дарина и раньше видела иконы: когда на пути табора попадались церкви и монастыри, бабушка всегда приводила ее помолиться. Но такой она не встречала никогда. Это скорее был портрет, а не святыня.

– Ее имя Дарине, и тебя я назвала в ее честь. Но барон посчитал это оскорблением, потому все зовут тебя Дарина.

– Бабушка, – Дарина поднялась, крепко прижимая к груди икону, – а почему ты ее от всех прятала?

– Потому что она принадлежит только тебе, ты – моей крови, а в этом таборе мы с тобой чужаки. Я ведь не всегда жила здесь, у меня были родители, много братьев и сестер. Но в четырнадцать лет меня выдали замуж. Ты ведь знаешь, по нашим обычаям жена уходит в семью мужа. Вот меня и отдали сюда. А икону я получила от матери как наследство.

Старушка вдруг захрипела. Дарина бросилась к ней:

– Бабушка!

– Дарине, дай мне прикоснуться к иконе. Она чудотворная и может даже с того света вернуть, но только если твой час еще не пробил и на этой земле дела остались.

Девушка передала икону в руки старой женщины и жарко зашептала:

– Так давай попросим святую, чтобы она тебя исцелила!

– Нет, милая, поздно. Выслушай меня! – Старушка судорожно сглотнула. – Икона эта чудотворная. От пули шальной спасет, от хвори напущенной излечит. От своей прабабки я даже слышала историю, что святая Дарине одного цыгана из гроба подняла. Он совсем молодой был, видать, срок его не подошел, потому и помогла. А когда мой муж умер, как я ни молилась, как ни просила, ничего не произошло. Им там, наверху, виднее. У смерти свои часы, и по ним она придет за каждым в срок.

Жизнь с каждой секундой утекала из дряхлого тела. Дарина, уже не сдерживая себя, плакала, обняв любимую бабушку за плечи.

– Эта икона убережет тебя, моя девочка, но храни ее пуце глаза. Если она попадет в чужие руки, то принесет много несчастий. На того, кто будет обладать святыней не по праву крови, падет страшное проклятье.

– Я сохраню, обещаю. – Девушка вытерла слезы рукавом, оставляя на лице грязные разводы. – Никому даже прикоснуться не позволю.

Старая цыганка улыбнулась в последний раз и замолчала навсегда.

Дарина не слушалась бабушкиных напутствий и берегла семейное сокровище, надеясь, что однажды передаст его своей дочери. Святая Дарине много раз уберегала ее от опасностей. Разбойники обходили табор стороной, болячки любые заживали на ней как на заговоренной. А еще она стала видеть будущее так, словно все это уже произошло когда-то, а теперь роится в голове воспоминаниями. Только одну судьбу она не могла увидеть и предсказать – свою собственную.

Глава 1

1989 год. Москва.

Настойчивая телефонная трель заставила мутный, тревожный сон растаять утренним туманом. Федор нащупал онемевшей от неудобного лежания рукой стоявший на тумбочке телефон и снял трубку.

– Алле? – Витой шнур скользнул по лицу змеей и замер, опоясав шею.

– Алле? Какое «алле»? Ты хоть помнишь, что мы сегодня выдвигаемся? Ты где, мать твою так! Поезд через полчаса, а тебя и на горизонте не видно! – Виктор Михайлович Пальцапула (непосредственный и главный начальник Федора, а по совместительству – главный режиссер съемочной бригады, где ему выпала честь трудиться на благо советской киноиндустрии вот уже два года) плевался и орал в трубку так, что Федя поморщился.

Подумаешь, задержались вчера в ресторанчике на Москве-реке всей съемочной бригадой... а он один виноват?

Подумаешь, не помнил как домой добрался... Так ему никто не указ! Ни жены, ни детей... мог бы вообще к Максиму завалиться переночевать, и правильно бы сделал. Единственное, что заставило его прийти в эту конуру – сегодняшняя поездка, к которой он, естественно, ни черта не подготовился!

Другая рука коснулась задравшейся футболки и жесткой ткани джинсов, что ему по великому благу достала мать. Черт! Даже не разделся! Н-да... может, и прав Михалыч? Что-то вчера было слишком весело... Но это еще не повод орать с утра на страдающего от жестокого похмелья сотрудника!

– Ну, и чего ты гоношишь, Вить? – попробовал отбиться Федор. – Да в сторону нашего Мухосранска электрички ходят каждые четыре часа! Успеем!

– Какие четыре часа, Идиотов? Какой Мухосранск, Забулдыгин? До обозначенного тобой пункта нам еще как минимум день лесом ехать! И скажи спасибо, если не на своих двоих! – Голос режиссера сорвался в крик и тут же перешел в прокуренный кашель. Наконец, прокашлявшись, он угрожающе прохрипел: – Если через полчаса тебя не будет на перроне – считай, что ты уволен, Романов! Операторов в Москве – как грязи!

В трубке послышались злые гудки.

Федор вздохнул и нехотя открыл глаза. Яркое июньское солнышко тут же ослепило его пушистым рыжим лучом, заставив снова зажмуриться.

А может, и вправду? Пошло оно все!

Жизнь не задалась с самого начала. Еще лет в десять он твердо решил, что станет режиссером и будет снимать фильмы, которые принесут ему мировую славу, ну и заодно все прилагающееся к ней. Ради своей мечты он в восемнадцать лет даже поругался с родителями, которые хотели, чтобы он учился в медицинском, съехал из трехкомнатной квартиры почти в центре города к другу и начал готовиться к экзаменам.

Вот только где-то в книге судеб кто-то что-то напортачил. На режиссерский факультет он не поступил. Не хватило всего одного балла! Еще не стерлись воспоминания, когда солнечный день, такой же, как сегодня, поблек, будто выцвел. Федор пришел за результатами экзаменов и не увидел в числе победителей свою фамилию. Он стоял, смотрел на списки счастливых и понимал, что его мир рушится. Вот и как теперь жить дальше? Отказаться от мечты? Может, это знак, что не в коня овес?

Мысль о том, что придется сдать на милость родителей, показалась ему невыносимой. Он даже представил картину своего возвращения в отчий дом: мама возьмется за валерьянку, изображая, как должен выглядеть человек с порванным в клочья сердцем, а отец сдвинет брови и будет неделю молчать, а потом поговорит по-мужски.

Едва этот ужас промелькнул у него перед глазами, Федор понял – надо что-то делать! Хоть дворником, только не с позором домой! Ничего, выдюжим! А там, через год, можно будет попытаться снова...

Но судьба распорядилась иначе. На факультет кинооператоров оказался недобор, и Федор уцепился за эту соломинку, как утопающий.

А дальше завертело, понесло. Новые друзья, новые победы...

Окончив институт по операторскому делу, он устроился вместе с тремя закадычными друзьями в кинобригаду Виктора Михайловича, уже немолодого, но упорного, сделавшего себе имя на съемках документальных фильмов режиссера, и принялся колесить по миру, снимая материал.

Мечта синей птицей все еще иногда манила Федю вернуться и закончить режиссуру, но стабильность в жизни, не самая плохая работа и лень кандалами скрутили руки, и все глубже засасывала его трясина быта. А вот Михалыч в свое время не поленился осуществить мечту, рискнул, и теперь именно он будет снимать научно-популярный фильм о заброшенном Русалочьем монастыре, а Феде останется довольствоваться малым, послушно записывая на камеру все, что режиссер считает нужным запечатлеть.

Ну и ладно! Мы люди не гордые! Но и не последние в мировом кинематографе! Операторы – это же... сила!

Ха, сила! Для кого?

Припомнилось высказывание Пальцапупы: вас же как грязи...

У Федора невольно сжались кулаки. Нет! Он поедет, чтобы доказать этому бездарю, что без профессиональной съемки все собранные Михалычем материалы не стоят и гроша! А потом, после хорошо выполненной работы, он напишет заявление и уйдет! Он не грязь! Он заставит себя уважать! Он...

На тумбочке диким голосом заверещал будильник.

Черт!

Время!

Поезд!

Федор подскочил и заметался по комнате. Благо жил он в пятнадцати минутах ходьбы от вокзала и успел бы на поезд без звонка шефа, но вчерашний сабантуйчик выбил его из колеи. Он начисто забыл и о сборах, и о поездке.

Покидав в спортивную сумку какие-то вещи, Федя – как был в джинсах и футболке – впрыгнул в любимые модные кроссовки, тоже купленные мамой, и, ради собственного интереса, заглянул в висевшее в прихожей зеркало. Хм, а не так уж и плохо! Породистое лицо, доставшееся ему в наследство от отца, не пропешь! Высокий лоб, прямой нос, четко очерченные губы. Вот только желто-зеленые мамины глаза портили весь аристократический вид, но действовали на женщин как валерьянка на кота. Пригладив слегка вьющиеся темно-русые волосы, Федор почесал заросший подбородок и только вздохнул. Вернется домой, надо будет подстричься и побриться. Недельная щетина, может, и украшает мужчину, но Федор начинал чувствовать себя снежным человеком.

Бросив взгляд на часы, он вышел из квартиры, захлопнул дверь и побежал вниз.

На перроне он был за минуту до отправления поезда.

– Вот он! Иди сюда, Упырев, мать твою разэдак! – раздался гневный вопль режиссера. Федор с печальным вздохом обернулся и, разглядев лысую голову начальника, метнулся к последнему вагону, арендованному их съемочной бригадой.

– Тут я, Вить!

– Да всяко тут, куда ж тебе деваться! – фыркнул тот и, что-то черкнув в блокноте, посторонился, запуская Федора в вагон.

– Это все ваши? – Молоденькая проводница заметно нервничала.

– Все! Еще чайку бы нам, голубушка! – распорядился Михалыч, поднялся вслед за Федей и уточнил: – Литра два.

Свое купе Федор нашел сразу.

– О! Романов! Живой! – раздались вопли друзей, едва Федор открыл дверь.

– А что со мной будет? – ухмыльнулся тот, закинул сумку под столик и уселся рядом с Максимом, черноволосым, ярким парнем, явно имевшим в роду горячую цыганскую кровь. – Други, а есть чего живительного?

– Оживительного? – уточнил Макс и заговорщицки подмигнул Кирюхе и Петру. – Найдём?

Те будто только этого ждали и полезли в сумки. Вскоре столик стал напоминать скатерть-самобранку. Едва парни уселись, как поезд дернулся и, неохотно постукивая колесами, принялся набирать скорость.

– Красота! – поглядывая в окно, довольно вздохнул Максим. Вечный романтик, он всегда придумывал какие-то поездки, походы, шашлыки на природе, лишь бы вытащить друзей на денек из города.

– Не то слово! – поддакнул Кир, балагур и шутник, любитель женского пола. Невысокого роста, тощий, с совершенно неприметной внешностью, он умудрился в свои неполные двадцать восемь три раза развестись и четыре раза жениться.

– И чего красивого? Дома как дома. Вот выедем за город, тогда и повздыхаете! – Петр, коренастый, темноволосый, красивый яркой и даже опасной красотой, был единственным из их компании, кто знал, чего хочет, и никогда не терял головы. – А еще лучше, приедем, возьмем аванс – и на неделю к реке. Рыбу половим, отдохнем.

– А тебя жена пустит? – недоверчиво прищурился Макс.

– Сначала я жену отпущу. К теще в Орехово-Зуево, – хмыкнул тот, отрезая колечко колбасы.

– Логично! – посмеялись парни и принялись строить планы на предстоящую поездку.

День пролетел незаметно. Вечером в купе заглянул Михалыч.

– Ну что, братцы-тунеядцы? Подъезжаем! Через пять минут чтобы были в коридоре! Выгружаться будем!

– Есть, шеф! – гаркнул Кирилл.

Михалыч даже вздрогнул.

– Дебилов! – рявкнул он в ответ, и дверь захлопнулась.

– Что-то наш Витюша на фантазию слаб стал, – трагично поджав губы, покивал Макс.

– А может, потому что ему свою фамилию переплюнуть слабо? – усмехнулся Федор и, подхватив на плечо сумку, с наслаждением произнес: – Паль-ца-пу-па, дал же бог!

– Кстати, а ты в курсе, почему монастырь, куда мы едем, назван Русалочьим? – Петр вышел в коридор и, дождавшись друзей, пояснил: – Все дело в том, что построен он был на деньги генерала Русалова рядом с его поместьем еще в тьму-лохматом году, задолго до революции. А потом пришли большевики и... вроде как монастырь разломали.

– А! Понятно, – насмешливо фыркнул Кирюха. – Богатые тоже плачут. Ты-то откуда узнал?

– Порылся в архивах. Меня же этот «Крикунов» заставил перерыть все данные по заброшенным монастырям и церквям. И по каждому написать короткую историю. Я, кстати, нашел с десяток таких раритетов.

– А чего мы именно сюда приехали? – Федор посмотрел в окна на пустой, покрытый щебенкой перрон и одинокую будку, заменяющую вокзал.

– Выбор Пальцапупы, поди разбери! – Петр пожал плечами и начал пробираться к выходу, где оживленно гомонили коллеги, со сноровкой вытаскивая из вагона реквизит и технику.

– И разберемся! – Кир, а затем Макс потопали следом.

Федор задержался, глядя на начинающийся сразу у платформы лес, синий в подступающих туманных сумерках, и поежился. Если Михалычу придет в голову топтать к монастырю в ночь, Федя точно пошлет всех куда подальше и вместе с друзьями останется здесь в надежде на какую-нибудь припозднившуюся электричку. Но на платформе его ждал приятный сюрприз. Маленький «пазик» весело подмаргивал разноцветными фарами, терпеливо дожидаясь, когда реквизит и люди найдут себе место в его небольшом салоне.

Уже легче!

– мрачно тут, – поежился Петр. – Как будто на сто миль ни единой живой души!

– Скажешь тоже! – осадил его Макс и махнул рукой куда-то в сторону леса. – Там районный центр. А рядом с монастырем, километрах в двух от него, довольно большая деревня. Я слышал, как Михалыч вчера договаривался о «подсадных» местах.

– И к кому нас в той деревне «подсадят»? – подскочил Кирюха. – Я бы не отказался подселиться к дояркам. И молоко, и эстетическое наслаждение!

– Все бы тебе... – хохотнул Федор, но его перебил Гена, здоровенный детина, а попросту прихвостень Михалыча, получивший за это гордое звание помрежа.

– Заканчивай перекур, Северин! Быстро садимся! Романов, Зотов, Ковалев – тоже особое приглашение требуется? Еще ехать и ехать!

– Началось! А чего сразу мы? – совсем по-ребячьи возмутились друзья.

– Да! Мы ждем, когда другие усядутся. Женщин и инвалидов вперед! – с невинным видом подначил Федор.

– Ты кого инвалидом назвал, инвалид? – тут же возмутился Михалыч. Вот и как услышал? Носится где-то рядом с автобусом, создает видимость деятельности.

– Ну, точно не тебя, Вить! – Федя подхватил стоявшую неподалеку треногу и заговорщицки подмигнул пытающимся скрыть улыбки парням. – Ты у нас босс!

– Значит, ты меня приписал к бабскому роду? – окончательно взбесился тот.

– Вить, ты же знаешь, что не можешь составить конкуренцию нашей дражайшей Альбине! – отмахнулся Федор и направился вместе с товарищами к автобусу, оставив Михалыча возмущенно орать ему вслед.

Что поделаться, если он действует на него как красная тряпка на быка?

В салоне было тепло, пахло бензином и табачным дымом.

Их небольшая группа, за исключением Михалыча и Гены, уже расположилась на протертых до дыр сиденьях, ничуть не смущаясь спартанских условий. И правильно! Чего смущаться? За два года где они только не побывали! Куда только не забрасывало их небольшую съёмочную группу! Зато добились! Выслужились! Теперь снимают короткометражные фильмы для одной научно-популярной передачи.

– Вот они! Мускулы нашей компании! – поприветствовала их Альбина, рыжеволосая толстуха с прокуренным голосом и с рельефно выступающими частями дородного тела. В их команде она не занимала какой-то особенной должности. Иногда читала за кадром текст, иногда варила походную кашу, а некоторым, говорят, даже скрашивала долгие ночные часы. В общем, если говорить честно, Альбина была в их группе едва ли не важнее начальника. – Феденька, паразит! Будешь должен мне тридцать рублей!

– За что?! – Федя даже остановился, но тут в спину толкнулся Кир. Пришлось пробираться дальше, перешагивая через коробки с реквизитом. Заметив свободное место у окна, он уселся и подколот: – Альбиночка, моя любовь для тебя бесценна!

– А такси с рестораном – нет! – отрезала та и тут же переключилась на Гену и Михалыча. – Ну и что ходим? Ждем, когда совсем стемнеет? Чтобы в ров упасть? А? Начальники? Мать вашу за руку, да в хоровод!

Михалыч с Геной заметно вжали головы в плечи и заторопились по местам, отбрехиваясь только по привычке.

– Ну чего говоришь? Никуда мы не свалимся! Водитель из местных, враз домчит!

– Да! Не каркай! Беду накаркаешь!

– Домчу! Ух, как домчу-у-у! – подвыл за компанию водила и даже высунулся из кабины, чтобы всем было видно исполнителя.

– Стартуй, командир! – Михалыч, наконец, дал добро, с кряхтением усаживаясь рядом с враз подобревшей Альбиной. – Только мимо Сухаревки не провези!

– А мне за «мимо» и не заплачено! – расплылся в щербатой улыбке шофер. Скрылся в кабине, и оттуда донесся его бодрый до отвращения голос: – Сухаревка – первая деревня на нашем пути!

Пазик вздрогнул, издал уж очень неприличный звук и покатил.

Вскоре Федор устал слушать анекдоты, отвечать короткими фразами на вопросы друзей. Отвернувшись, он немигающе уставился в окно, пыльное, расплосованное дорожками капель бесшумно начавшегося дождя, разглядывая подступивший вплотную лес. Теперь он не казался ему синим. Он был черным! Черные исполины стояли на обочине давно не латанной дороги и тянули к нему свои руки-ветки.

И тут он услышал колокол. Мощный, спелый звук ворвался в открытое окно, заставив Федора замереть и покрыться мурашками. И были в том звоне и неведомые страдания, и тоска, которую не забыть, от которой не убежать! И любовь – такая, что хочется почувствовать себя мальчишкой и вперед автобуса кинуться навстречу долгожданному счастью!

Ой, мамочка! Что это с ним?! Вроде всегда был атеистом, ни в Бога, ни в черта не верил. Да сколько он уже переснимал этих церквей, и ничего не шелохнулось, а тут...

Он поднял к глазам трясущуюся мелкой дрожью ладонь, поизучал ее несколько секунд, а когда снова уставился в окно, чуть не заорал. Из темноты, прижавшись к стеклу, на него смотрела женщина, точнее сказать – девушка. Да-да! Как будто по ту сторону стекла тоже находится салон автобуса, и она сидит в том автобусе совсем одна и смотрит на него. И ее губы шевелились, словно она что-то ему говорила.

Когда он об этом задумался, в голове, словно по волшебству, зазвучал ее голос, и Федор понял, что она не говорила, она пела:

Жизнь поросла быльем-травинушкой.
Боль породнилась с тишиной.
Все отболело вслед за сынушкой,
Его унес вдаль ветер луговой.
Все поросло полынью горькою,
Все отсмеялось по весне.
И только вера за иконою
Осела пылью на стене.
Мне отчим домом стало прошлое,
Мне так приятен дым надежд.
Что ж ты не вспомнишь, не поможешь мне?
Я так устала от одежд, от траурных одежд.
Я так устала биться чайкою,
Я так хочу к себе домой.
Дверь распахнуть, пойти встречать тебя,

А после возраста быллем-травой.

Девушка улыбнулась, коснулась рукой стекла, там, где по другую сторону находились его губы, и Федор даже не услышал, понял:

– Где ж ты, Алешенька? Где ж ты, рódный мой?

Федор заставил себя сглотнуть колючий комок, намертво застрявший в горле, и, с трудом оторвав взгляд от лучистых девичьих глаз, беспомощно обернулся к сидевшим рядом друзьям, но тут его поджидала вторая странность. Автобус оказался пуст!

И тут Федор не стерпел и заорал. Но ни звука не вырвалось из его пересохших губ!

«Впору перекреститься!» – подумалось ему, и тут прямо в ухо раздался хохот, а ехидный голос Макса пропел:

– Вставай, спящая красавица!

– Слабак! Водки больше не получишь! – поддержал его Петя.

– Отстаньте от мужика! Он во сне так сладко стонал, что даже я обзавидовался! – А это, конечно, Кирюха.

Федор дернулся, вырываясь из странных, тоскливых пут сна, точно из паутины, и растерянно похлопал ресницами, оглядывая счастливых, пахнущих поездом и перегаром друзей. Остальные – кто спал, кто разговаривал.

И хорошо! Хорошо, что на него не обратили внимания. Только друзья, но это ерунда. Чай, не первый год вместе.

– Я уснул?

– Не! Это тебя от запаха Петькиной самогонки таращит! Конечно, уснул! – ухмыльнулся Кир и подмигнул. – А кто такая Маша? Вчера небось клеил, когда из ресторана умотал?

Федя вытаращил глаза:

– Никого я не клеил!

– Ну конечно! С чего бы ты тогда во сне так томно постанывал и так нежно говорил: Машенька!

– Да ты бредишь или шутишь? – Федор отпихнул его масляную рожу и для наглядности и серьезности своих намерений даже покрутил пальцем у виска. – У меня даже знакомых с таким именем нет!

– Как же! А баба Маруся? Уборщица из студийной мастерской? – заржал в голос Макс. – Уж не по ней ли сохнешь? Маруся – Маша – и не отвертеться. А? Федь?

– Интересно, а твоя пассия на пенсии? – подхватил эстафету Петр.

– Вопрос в другом – сколько уже лет! – Ну, и Кир, естественно, не отставал.

Началось! Иногда компания выбирала для здорового стеба объект и проверяла его на прочность. И самое главное в такой ситуации – подольше продержаться, не показать, насколько тебя что-то из этого задевает. А лучше всего перевести все в шутку. Но стоит только дать маленький намек – заключают!

– А что? Завидно стало? Небось сами хотели к ней подъехать? – Федор изобразил бесстрастный взгляд и равнодушную улыбку. – Но с ней вы, парни, не угадали! Помните секретаршу Михалыча? Кажется, ее тоже зовут Мария... Вот думаю, по приезде не пригласить ли ее в ресторан?

Макс помрачнел:

– В глаз получишь!

Кирилл с Петькой оживились, переключаясь на него:

– Да ты че, реально?

– И ничего не сказал?

Федор расслабленно выдохнул. Быстро он стрелки перевел! Пусть теперь Максим расхлебывает! А пока парни будят его донимать, надо подумать! Очень хорошо подумать...

Сон странный! Ему такие сны не снились с тех пор, как он ушел из дома. Переехав в общагу, он несколько раз видел такие же яркие, изломанные сны с участием умерших знакомых. Они пытались ему что-то советовать, куда-то звали, что-то дарили. Где-то в глубине души Федя знал, что такие сны не простые. Как говорила бабушка, «кто-то с того света пытается достучаться».

Но здесь все было иначе! Во-первых, яркие звуки: он действительно слышал и колокол, и песню! Во-вторых, образ девушки! Более чем неординарный! Голубоглазая красивая блондинка с короткими волнистыми, цвета спелой пшеницы волосами, одетая в какой-то странный мешковатый балахон. В-третьих, имена! Он действительно не знал ни одной Марии, и ни одного знакомого Алексея у него тоже не было. Ладно, надо подумать об этом, но завтра! Сегодня у него это плохо получается!

Отобрав у Макса, все еще пытающегося отвертеться от «порочащих его связей», бутылку с булькающей на дне кристально чистой жидкостью, Федор сделал большой глоток, поморщился и с опаской снова посмотрел в окно. На этот раз никаких девушек он не увидел, а от того, что увидел, сердце замерло в восторге. Яркое темно-фиолетового цвета небо усыпали неправдоподобно большие самоцветы звезд.

Не-е! Такого в Москве точно не увидишь!

Остаток пути он провел, лениво прислушиваясь к спору друзей, и время от времени с опаской поглядывал в темное окно. Наконец, водитель лихо затормозил и высунулся в салон.

– Приехали, товарищи туристы! Выгружайтесь вон, к клубу. – Водила указал в лобовое стекло на одиноко болтающийся на длинном шнуре фонарь. Тот избирательно освещал то дерево, то брусчатую стену с заботливо возвращенным возле нее кустом пиона. – А я сейчас за участковым сбегаю. Он велел мне его разбудить, как только вы прибудете.

Открыв ручную створку дверей, он выскользнул в темноту.

– Это ж в какое же Кукуево нас занесло... – Кир с кислой миной поглазел по окнам автобуса, разглядывая треугольные очертания крыш редких домов, темнеющих на фоне чуть посветлевшего неба.

– Ты еще поговори мне! – тут же сонно откликнулся Михалыч. – Как за зарплатой стоять, так все вы первые! А ее еще заработать надо...

– Так вот! Зарабатываем уже! – поддержал друга Макс. – Но есть одна претензия! Темно уж больно...

– Ты у нас осветитель? Осветитель! – пробасил Гена, заискивающе покосился на Михалыча и, ободренный молчанием начальства, продолжил: – Вот и свети!

Больше никто в диалог вступить не рискнул. Молча похватили сумки, рюкзаки, коробки с реквизитом и гуськом направились из душного автобуса.

Федор с тоской посмотрел в окно на потускневшие звезды, подхватил сумку и, чтобы не попасться под руку быстрому на расправу Михалычу, последним вышел в темноту. Но едва он спрыгнул со ступеньки в густую щетку травы, как понял, насколько ошибался. Самое темное время уже прошло, и восток светлел с каждой минутой, приближая рождение нового дня. Где-то брехали собаки, трещали, устроив концерт, сверчки, и первые петухи загорланили хрипылыми голосами гимн приближающемуся утру.

– Парни, вы чувствуете? – Федя подошел к тихо переговаривающимся друзьям. – Здесь все настоящее! Живое!

– Ага! – покивал Кир. – И только мы тут – как козе саксофон!

– Ну почему? Думаю, местные будут очень даже рады новым клоунам, – сплюнул под ноги Петр.

– Если все местные будут такими, как вон тот, не хотелось бы мне быть клоуном! – Макс сложил руки на груди, разглядывая приближавшиеся к ним два силуэта. Один – широкоплечий

здоровяк, высокий настолько, что второй, семенивший рядом с ним, сперва показался всем подростком.

– Здравсте! – Голос такой низкий, что похож на хрип. – Это вы приезжие артисты из Москвы? Я Степан. Участковый местный.

А вот Михалычу, похоже, было плевать на рост местного «дяди Степы».

– Артисты? Мы?! – Он грозно шагнул к нему навстречу, а следом за ним, как привязанный, двинулся Гена, тоже, в общем, детинушка еще тот. – Сами вы, гражданин начальник, артист! Мы не артисты! Мы творцы! Мы те, кто дает, как вы выразились – артистам, возможность самореализоваться!

– Это как? – озадачился местный представитель власти. Подошел и пожал руки сперва Михалычу, потом Гене. Смерил взглядом притихший народ и решил со всеми не ручкаться, а вести знакомство на расстоянии.

– А так! Фильм мы приехали снимать! Про ваши красоты, а особенно про монастырь. Есть он у вас?

– А... – Верзила ненадолго задумался и кивнул, одновременно указав на темнеющий вдалеке лес. – Там! Марьин монастырь.

– А мы слышали – Русалочий, – подал голос Петр, первый боец за правду.

– Та не! Русалочьим его, конечно, зовут, но все из-за прежнего хозяина этих мест, генерала Русалова. А так он Марьин!

– Женский, значит? – ухмыльнулся Кир.

– Та не... Не совсем. В нем любой страждущий может найти заботу, работу и кров. – «Дядя Степа» безошибочно нашел взглядом говорившего. – Да и заброшен он сейчас. Почти заброшен. Остались только те, кому просто податься некуда. Ну, да что я вас тут байками развлекаю? Вы, считай, сутки в дороге. Пойдемте, пока размещу вас в отделении, поспите, а днем познакомлю с председателем, и определим вас на постой. Вы к нам надолго?

– Пока не отснимем материал, – пафосно заявил Михалыч и уточнил: – Может, на неделю, а может, на две.

Пока они шли в местное отделение милиции, Федор без усталости крутил головой, разглядывая белеющие в тусклом свете занимающегося утра домики, окруженные садами. А еще он слышал шум воды и... колокол!

Снова!

Удар, еще удар. Низкий, цепляющий душу звук проник в сознание неожиданно, возвращая привидевшийся ему сон. Затем, словно отгоняя тяжелые мысли, зазвенели хрустальным перезвоном другие колокольчики. Сразу стало легче, но вопрос остался.

Он обогнал Альбину, шагающего рядом с ней Кира и тронул за рукав участкового:

– У вас есть церковь?

– Была. – Участковый придержал шаг и, поравнявшись с ним, смерил Федора цепким холодным взглядом, заставив того пожалеть о своей не вовремя проснувшейся любознательности. – При монастыре. Колокола слышали? Они теперь в монастырской часовне висят.

– Тебе, Романов, что, помолиться захотелось? – обернулся к нему шагавший впереди Михалыч.

– Я думаю, Вить, еще успеется! – отмахнулся Федор, уже порядком уставший от его дурацких шуток.

– Часовня у нас хорошая! – Степан то ли не заметил назревающий конфликт, то ли, наоборот, решил его сгладить. – Колокола – слышите? Им сто лет в обед будет! Чугун с серебром! Говорят, их еще сам генерал Русалов заказывал в Москве на свадьбу дочери.

– Так это же находка! – оживился Михалыч.

Они вскоре подошли к длинному деревянному дому. Милиционер нырнул в распахнутую дверь, а следом за ним потянулись нагруженные уставшие люди.

Федор шагнул в вотчину местного участкового, оглядел казенный длинный и широкий коридор с окнами по одну сторону и шеренгой запертых дверей по другую.

– Сейчас я вам выдам матрасы. Располагайтесь в коридоре. – Участковый Степан козырнул и, побренчав ключами, исчез за одной из дверей. Вскоре он появился, груженный тонкими тряпичными матрасами, и, скинув их в угол, снова скрылся за дверью. Во вторую очередь съёмочная группа получила крошечные подушки, каждая с казенным номером. – Сожалею, что вам приходится так неудобственно, но, как говорится, чем богаты...

Впрочем, уставшим людям было уже все равно на чем спать и где. Все расхватали матрасы с подушками, как горячие пирожки, и только Альбина, недовольно повертев в руках серую подушку, даже принюхалась к ней:

– А она чистая?

– Да что вы, дамочка! – Милиционер даже обиделся. – Ею уже лет пятнадцать как никто не пользовался. Как тюрьму отсюда перенесли в Кольцово, так и не пользовался!

И, козырнув, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Тюрьму?! – Толстуха сперва посмотрела на подушку, точно держала мышь, а затем швырнула ее к стене с такой скоростью, точно эта мышь в секунду издохла и завоняла. – Я к этим подушкам с матрасами даже не притронусь!

– Давай мне, все мягче будет, – обрадовался Михалыч, устраиваясь вместе со всеми на боковую. – А ты, Аль, если спать не хочешь, реквизит посторожи!

Альбина задумалась, нехотя подняла подушку и направилась к единственному оставшемуся свободным матрасу.

Федор не помнил, как уснул. Вроде только что слышал, как переговариваются Кир с Петро, и оп – его уже нет. Точнее, он есть, но совсем не в том ветхом строении, носящем гордое звание участка милиции деревни Сухаревка.

1868 год. Силантий Русалов.

– Вот ведь занесла нелегкая. Для того ли я из отчего дома ушел служить, чтобы теперь в этой глуши отсиживаться? Отец так хотел, чтобы я дело его перенял. – Поручик Русалов лениво сорвал травинку и сунул ее в рот. – А чего тут говорить, и там скукота, и тут!

– Не блажи, Силантий, время мирное, все лучше, чем война. А к батюшке под крыльышко вернуться никогда не поздно.

Антон, рыжеволосый улыбчивый паренек в расстегнутом кителе, похлопал друга по плечу и удобнее устроился на дровянике, подставив ласковому солнышку веснушчатое лицо.

В деревеньке и правда была тоска. Из всех развлечений – пара трактиров да убогий дом терпимости. Только девицы там настолько страшны, что доплати они сами, в койку к ним соваться никто не решился бы.

Погода в этот день стояла замечательная. Летний зной спал, радуя прохладным ветерком, а пролившийся с утра дождь прибил к земле пыль. По проселочной дороге бежали ребятишки, за невысокими заборами лениво таякали собаки. Все в этом захудалом селении было как-то уж слишком размеренно и уныло.

Случилось же так, что полк, в котором служил молодой поручик Силантий Русалов, пригнали для учений именно сюда. Да только вскоре командующего отозвали в Петербург, потому как прошел слух о готовящемся покушении на царя, а солдаты и офицеры получили внеплановое увольнение, только покидать пределы деревеньки строго запрещалось, вот и развлекались все как могли.

– Здорово, служивые. – Крепкий старик, местный староста, подошел так тихо, что Силантий вздрогнул от неожиданности.

– Принесло же старого черта, – сквозь зубы процедил его товарищ. – Опять начнет про вничку свою убогую талдычить. А я ее пальцем не тронул, только воды попросил, вот ей-богу.

– Здравствуй, Егор Кузьмич, – поприветствовал старосту Силантий, – подсобить чем или просто от скуки к нам заглянул?

– Да некогда мне скучать, сынки, забот полон рот. А от помощи не откажусь. Поводились к нам цыгане шастать. Все бы ничего, чай, тоже люди, да ведь тащат все что ни попадя. Подмогнете?

– А чего делать-то? Они пташки вольные. Сегодня тут, завтра там... Сами уедут!

– Когда рак на горе свистнет! Они у нас уже год табором живут. Недалеко, у речки остановились. Вроде и жалко их, да своих жалче. Вроде у них там ведьма имеется. Молодая, а гадает всем, как видит. И болезни лечит. К ним даже из других селений едут.

– Так хорошо же! – Силантий улыбнулся, выплюнул травинку.

– Хорошо, да не очень! Наши лекари жалуются, что хлеб отбивает! Да и так, неспокойно от пришлых. Может, попросите их подальше от нашей деревни убраться?

– Нам за это не платят, дед. Пусть полиция твоих цыган гоняет. – Веснуничатый демонстративно отвернулся.

– Да какая полиция? Я тут, можно сказать, один за всех отдуваюсь, – охнул староста. – Что за молодежь пошла непочтительная.

– погоди, Антон, – одернул друга Силантий. – Я схожу к ним. Приструню, чтобы покой не нарушали.

Это был шанс хоть немного развеяться. Гонять воров на самом деле он не собирался, но скуку разогнать – точно.

– Вот это разговор, – заулыбался староста, бросив хитрый взгляд на паренька, теребившего медную пуговицу на расстегнутом кителе. – А я вам за работу самогону своего поставлю.

– Да тут на каждом углу наливают, – снова влез Антон. – Табаку достать сможешь? Страсть как курить охота, а табаку и нет. Тогда и я схожу, раз такое дело. – Но как только староста ушел, набросился на друга. – Нельзя нам из деревни уходить, слышь, Силантий?

– Я один пойду. Если что, прикрою меня, а табак поделим.

– Даже не знаю... нечестно как-то, – почесал вихры друг, но было видно, что такой расклад его устраивает.

– Решено, иду один. – Силантий спрыгнул с бревна. – К вечеру обернусь.

Антон проводил его задумчивым взглядом. Может, и было бы все иначе, если бы не она... Не Софья... Почему она выбрала не его, а Силантия? И точно кошка пробежала между друзьями...

Снова вспомнилась его последняя встреча с Софьюшкой. Ледяной королевой с ним была, а сердце рвалось от боли. Не пара ей Силантий! Не любит он ее и никого не любит! Весь в отца своего пошел, армия ему мать, сестра и невеста.

Даже если руки придется его кровью омыть, он пойдет на этот грех! Все одно без Софьи жизнь смысла не имеет никакого.

Силантий табор нашел быстро. Вышел к реке и направился к поднимавшимся за жидким пролеском струйкам дыма. Вскоре из-за деревьев послышался разноголосый гомон, гитарные переборы и ржание коней. Потянуло запахами костра и жареного мяса.

Тропинка привела Силантия к небольшой поляне, на которой стояли шатры и кибитки, горели костры. На них жарилось мясо, готовилась похлебка. У костров сидели смуглые люди. Звучала гитара, и приятный женский голос выводил куплет о несчастной любви и горячей цыганской крови. Поляну огибала мелководная речушка, в которой плескались чумазые ребята.

Увидев военного, цыгане насторожились, но враждебности не выказали. Девушка отложила гитару и посмотрела на Силантия:

– Что нужно тебе, красивый? Погадать пришел или хворь вылечить?

– Не верю я в гадания, – буркнул Силантий, подойдя к костру.

– Тогда зачем явился?

– Жалоба на вас поступила. Надо бы разобраться.

– И кто жалуется? – Из шатра вышел высокий плечистый мужик в простой холщовой рубахе. За вихрастой шевелюрой и густой черной бородой его лица было не рассмотреть, только глаза горели, что уголья. – Если цыгане, значит, сразу воры? А ты за руку нас ловил?

– Отчего же воры? – хмыкнул поручик. – Говорить я такого не говорил, но по закону проверить обязан.

– Мы твоим законам не подчиняемся. Цыгане – народ свободный. Шел бы ты отсюда подобру-поздорову. А то места глухие, ведь и не найдут.

– Мне бояться не с руки, иначе в армию не взяли бы. – Силантий положил руку на эфес сабли. – К тому же мои друзья знают, где я. Не вернусь до заката – искать придут.

– Видели мы твоих друзей, Силантий. – Девушка поднялась.

– Откуда ты меня знаешь? – опешил поручик.

– Дым сказал, – улыбнулась цыганка.

– Дарина, подай гостю похлебки, – сказал бородач, – не откажешь, служивый?

– Конечно! – Девушка налила в деревянную миску похлебки, взяла ложку, ломоть хлеба и подошла к Силантию. – Угостись, красивый.

Силантий посмотрел на девушку, взял предложенное и понял, что пропал. Большие черные глаза, смуглая кожа, брови взлет и пухлые, манящие губы.

Дарина тряхнула гривой кудрявых волос и призывно улыбнулась. Как бы невзначай оголилось круглое плечо, на котором алел розовый бутон. Рисунок был настолько искусным, что казалось, бутон вот-вот раскроется. Силантию нестерпимо захотелось припасть к цветку, ощутить его аромат, коснуться лепестков. Но внезапная робость сковала его.

– Боишься меня? – Дарина вдруг звонко рассмеялась. В черных очах отразились солнечные блики. – А я ведь не кусаюсь. Если только приворожусь ненароком. Садись, Силантий, в ногах правды нет.

Она уселась на траву и похлопала рядом с собой.

– Я в бесовщину не верю, – с трудом отведя взгляд, ответил Силантий, присаживаясь рядом с девушкой. Она едва успела одернуть цветастую юбку, расстелившуюся по земле.

– Раз не веришь, то и опасаться тебе нечего.

Силантию показалось, что теперь в ее голосе прозвучала настоящая угроза, но решил не обращать внимания.

Похлебка показалась ему безвкусной. Да и самое изысканное кушанье сейчас не принесло бы наслаждения. Взгляд Силантия не отрывался от Дарины. Казалось, что она все понимает и намеренно дразнит его.

– А хочешь, я спою тебе, служивый? – неожиданно предложила она. – Тебе одному петь стану.

– Спой, – хрипло выговорил Силантий, оставив миску. Язык вдруг стал тяжел, перед глазами поплыл туман. Неужели отравили?

Дарина взяла в руки гитару и коснулась изящными пальчиками струн, извлекая грустную, берущую за душу мелодию.

На руке три линии
Лепестками лилии:
Это жизнь, а это я,

*А вот там – судьба твоя.
Чему быть по линиям –
Все покрыто инеем...
Зорче под ноги смотри,
А не то споткнешься,
Уходи – не уходи,
Все равно вернешься...
А легко ли будет нам,
То сама не знаю.
Я гадаю по рукам,
Счастье призываю...*

Как только отзвучал последний аккорд, с Силантия как наваждение спало. Силы вернулись, а вместе с ними – ясность ума. Мысль вспыхнула в голове яркой вспышкой.

– Пойдем со мной, – выпалил он, глядя прямо в глаза цыганке.

– И куда же ты меня зовешь, поручик?

– В имение свое, к матушке с батюшкой, в жены тебя возьму. Не посмотрю, что цыганка.

Дарина рассмеялась ему в лицо. Зло, обидно. Ярость темной волной накрыла Силантия.

– Не пойдешь, силой заберу. Все одно – моей будешь! – Силантий вскочил на ноги.

– Полегче, служивый! – раздался за спиной предупредительной окрик.

Цыганка поднялась, махнула сидевшим у костра цыганам, давая понять, что ей ничто не угрожает, и улыбнулась Силантию.

– А давай я тебе сперва погадаю, красивый. Денег не возьму, за так погадаю.

Как зачарованный, Силантий протянул ей ладонь. Дарина долго всматривалась в переплетение линий, а потом вдруг резко оттолкнула его руку.

– Все, поручик, уходи. Жизнь ты проживешь долгую, больше не вижу ничего.

– Обещала, так гадай, – настаивал взбудораженный Силантий.

– Уходи, поручик, пока на своих ногах еще ходить можешь.

– Хорошо, – неожиданно согласился он, – уйду. Но не надейся, что навсегда. Еще свидимся.

Развернулся и направился прочь.

Дарина догнала его у подлеска.

– Стой, поручик.

Силантий обернулся и сжал цыганку в объятиях. Впился в губы жадным поцелуем. Она вырвалась и отпрянула. Оглянулась на кусты орешника. Силантию показалось, что за ними он видит какую-то тень.

– Не здесь, – выдохнула она едва слышно, – приходи, как стемнеет, к излучине реки, я там тебя дожидаться стану. А сейчас ступай. И никому обо мне ни слова. Понял?

– Понял. – Силантий кивнул. – Позволь лишь еще раз уст твоих коснуться.

– Не спеши, поручик, все получит лишь тот, кто ждать умеет. – Она снова оглянулась на кусты. Если там кто-то и был, то ушел, и теперь только ветер шелестел листьями. Настороженность покинула ее лицо, и на нем снова заиграла надменная улыбка, а роза на плече от серебринок пота будто вспыхнула алым пламенем.

В часть Силантий вернулся сам не свой. Встретивший приятеля Антон сразу потащил того в трактир.

В заведении было пусто, несмотря на белый день. Пахло прокисшим пивом и подгорелой едой. Трактирщик, красномордый дядька с круглой лысиной, лениво поглядывал в почти

пустой зал. Двое целовальников стояли у грубо сколоченной стойки. Вошедших гостей они окинули ленивым взглядом и снова принялись о чем-то разговаривать.

Силантий вспомнил столичный трактир, в который его два года назад возил отец. То была его первая поездка далеко от дома. И разница между тем заведением и здешним была как между замком и развалившейся избушкой. В столичной ресторации целовальники были одеты в белую одежду, без единого пятна, аккуратно подстрижены и выдрессированы, как медведи на ярмарке. Здесь же на него смотрели два молодца не первой свежести, в застиранных серых рубахах и залатанных портках. Волосы взлохмачены и давно не мыты.

Антон провел Силантия в самый дальний угол и жестом подозвал прислугу. Заказали квас и соленых груздей.

– Рассказывай, что стряслось, приятель. Как сходил?

– С чего ты решил, что стряслось? – Силантий мыслями еще оставался с Дариной и почти не слышал, что говорил ему Антон.

– Я же не слепой. Ты вернулся чернее тучи. Как я понимаю, цыгане не ушли и табака нам не видать?

– Я их предупредил. Теперь все будет хорошо. Иди к старосте и доложи, что задание его выполнено.

Антон стукнул боком кружки о кружку Силантия.

– Пива нельзя, так хоть квасом чокнемся. Ну, рассказывай, как прошло? Припугнул ты их?

– Припугнул. Только... – Силантий замялся. – Дело у меня там осталось. Сегодня ночью прикроешь?

– Не вопрос. А что за дело? – Антон сально улыбнулся.

– Встреча у меня. С цыганкой одной. Обещала погадать, коли приду. – Силантий посмотрел на него.

– Ты смотри. Еще приворожит. А когда встретиться-то собрался?

– На закате. Так прикроешь?

– Конечно, друг.

– Вот и славно!

Силантий одним глотком осушил кружку, грохнул ею об стол. Затем резко поднялся, едва не опрокинув тяжелый стул, и вышел прочь. Антон посмотрел ему вслед, и на тонких губах появилась злая улыбка.

Или сегодня, или никогда!

План он вынашивал долго, да только военных действий не намечалось, чтобы оправдать смерть дорогого друга. А тут... сам Бог велел! Как только он узнал о цыганах, сразу понял – это шанс! Спланировать нападение на табор помог староста. Он прям аж весь засветился, когда Антон сказал, что не доверяет мирным переговорам и хочет выжить цыган с этих мест. А коли не послушают, сжечь пару кибиток.

Но с условием!

На помощь его нескольким лихим товарищам, истосковавшимся в мирной глуши без ратного дела, староста пошлет с десятков крепких парней. Чтоб наверняка убедить кочевое племя убраться.

То, что Силантий отправился бы с ним выгнать цыган, Антон не сомневался. Тот всегда принимал его сторону. Сперва Антон гордился такой преданной дружбой, пока ее на корню не сожгла безответная любовь к Софье...

Хорошо, что вышло иначе. Силантий отправился на встречу с Дариной. Это как пить дать. Видать, сдержала цыганка слово. Но рисковать нельзя! Даже если Силантий забудет о Софье, о ней не забудут его родители, устроившие этот брак.

А в сваре многое может случиться. Был Силантий – нет Силантия...

Дверь открылась, и в трактир шагнули пятеро сослуживцев. Увидев Антона, они направились к нему:

– Ну что, когда выступаем?

Антон сделал глоток и с улыбкой указал на свободные табуреты.

– Пропустим пару кружечек, господа. Надо дождаться деревенских.

Ночь была теплой, напоенной ароматом цветов и свежескошенной травы. В прозрачном небе висели крупные звезды, а в спокойной глади реки отражалась почти полная луна, оставляя на поверхности серебряную дорожку...

Дарина обманула. Не явилась. Силантий прождал ее до полуночи и только потом решил вернуться в деревню. Но прежде захотел хоть одним глазком взглянуть на НЕЕ. Шел и думал, как сейчас придет в табор и скажет все как есть. Пусть даже цыганка его не любит, только он теперь не отступится и за счастье свое бороться станет.

Родители, конечно, будут против такого брака. Они уже сосватали ему невесту, на которую засматривались все, даже Антон, но он все для себя решил. Служба идет хорошо. Годок, другой – и в звании повысят, да заживут они душа в душу.

Яркие сполохи Силантий заметил задолго до подхода к табору.

Пожар?

Ноги сами понесли его по знакомой тропинке. Да только поздно было. Из трех шатров два выгорели полностью, кибитки полыхали, вздымая к небу рыжие языки. Лошади разбежались, испугавшись пламени. Повсюду крики, плач и ругань. Среди обожженных мертвых тел бежали вооруженные топорами да вилами рослые мужики, сгоняя оставшихся в живых цыган в освещенный пожарщиком круг, да гарцевали на жеребцах драгуны.

– Силантий?

Знакомый голос заставил его обернуться. Он узнал в подъехавшем драгуне Антона. Тот прыгнул с жеребца и направился к нему:

– Где тебя носит? Пропустил все веселье! Старосте твой мирный подход не понравился, и он отправил своих выселять это воровское племя, а мы с ребятами за ними поехали. Чтобы до смертоубийства дело не дошло, да как видишь – опоздали. Видать, сильно это ворье деревенским докучало. Не рассчитали силенок... – Он почти кричал, но поручику словно шапку на уши натянули, звук доходил до него глухо, как сквозь толщу воды.

Силантий не желал верить в происходящее. Как теперь смотреть в глаза Дарине? Как вымолить прощение за такое? Господи, да о чем он думает? Жива ли она?

Оттолкнув Антона, он бросился вперед, глядя в глаза оставшихся в живых. Силантий нашел ее не сразу. Она сидела рядом с телом убитого чернобородого цыгана, что угощал его давеча похлебкой, и, прижимая к себе какую-то картину, выла, точно раненая волчица, запрокидывая голову к небу. Силантий рванулся к ней, но остановился, наткнувшись на черный, полный невысказанной боли взгляд.

Слова покаяния, что он хотел ей сказать, встали в горле колючим ежом:

– Прости...

– А все эти смерти, загубленные души моего рода – кто простит? На беду я встретила огневолового и тебя! Позарилась на счастье!

– Прости, Дарина!

– Кровь... Слишком много крови пролито. Она не даст прощения ни тебе, ни мне! Дарине все видит! Она поможет мне... Но ни тебе, ни огневолового помощи от нее не сыскать! – Она снова завывала как помешанная. – Смерть! Я вижу смерть вас всех! Смерть и проклятие!

– О чем ты? Что ты такое говоришь?

– *Мой отец убит. – Голос ее стал тише, но от него мороз шел по коже, пробирая до самых костей. – Скоро умру и я, только не познать ни жизни, ни счастья ни тебе, ни детям твоим. Все, кто будет с тобой рядом, умрут. Это я увидела сегодня на твоей ладони. Я готова принять свою судьбу, только расскажу тебе все, о чем умолчала!*

Дарина положила картину на грудь мертвого отца, поднялась и, точно пьяная, шагнула к нему, все повторяя: «...готова принять судьбу».

– *Силантий!* – *Окрик Антона заставил Силантия посмотреть в сторону. Друг шел к нему, держа в руках залитую кровью саблю, в лезвии которой отражались блики затихающего пожара. – Куда ты снова делись? Помощь твоя нужна, чтобы оставшихся воруяг с конвоем проводить подальше от деревни. А местные пока пожар потушат. – Заметив цыганку, не сводящую с него глаз, прибавил шагу. – А она что тут делает? Гони в шею эту воровку!*

Вдруг Дарина вцепилась в руку Силантия и торопливо заговорила:

– *Это он, твой друг и твой враг! Он любит твою нелюбимую и потому заставил меня-а-а...*

Антон не дал ей договорить. Послышался хруст. Черные глаза девушки широко раскрылись, а руки сжали пробившее грудь окровавленное лезвие сабли.

Тонкая струйка крови побежала изо рта. Девушка рухнула на колени. Роза на ее плече вспыхнула и словно сгорела, стала черной, как уголь в костровищах. Но она улыбалась.

– *Короткая у нас была любовь, поручик, – выдохнула она. – Только все в жизни повторяется. Не трогай Дарине, иначе тоже будешь стоять на коленях и тоже потеряешь все, как и я сегодня...*

Безжизненное тело девушки рухнуло к ногам Силантия. Тот поднял глаза на Антона:

– *Зачем? Что ты наделал?*

И встретил его взгляд, злой, полный ненависти. Тот промолчал. Выдернул саблю, отер лезвие о цветастую юбку цыганки и шагнул было к Силантию, но тут послышался шорох, и из кустов показалась вихрастая голова одного из сослуживцев:

– *Вот вы где! Антон, там тебя наши ждут. Командуй, куда воруяг вести?*

Антон еще какое-то время буравил взглядом ничего не понимающего Силантия, одним движением вернул саблю в ножны и скомандовал:

– *Пошли.*

Русалов проводил их взглядом, возвращавшихся на пожарище, и опустился рядом с Дариной. Такая красивая... За что? Зачем небесам было угодно свести их на день и разлучить навсегда?

И тут его внимание привлекла икона, что она успела положить отцу на грудь. Подойдя ближе, Силантий присел рядом с мертвым цыганом, поднял ее и едва сдержал стон. С темной отполированной до блеска гладкой деревянной поверхности на него печально, но с бесконечной любовью смотрела она! Дарина!

Повинуясь тому, что сейчас творилось у него в душе, Силантий с силой прижал к себе икону, точно в последний раз обнимая несбывшуюся любовь. Вот и все, что ему осталось от нее...

Глава 2

– Ну, здравствуйте, гости столичные! Рад знакомству! Надолго ль к нам?

Федор распахнул глаза и недовольно поморщился. У них что, в деревне, так принято: приходите в гости ни свет ни заря и радостно вопить? Посмотрел бы он на этого «трубогласа», если бы к нему домой ворвался, ну, например, Кир и начал орать что-то подобное. Как бы он среагировал, если бы до этого вторжения спал от силы часа четыре?

Кстати, а кто это там надрывается?

Стиснув руками виски, наверное, для того, чтобы не лопнула голова, Федя сделал над собой усилие и сел. Еще одним героическим поступком было повернуть голову и сфокусировать глаза. К его удивлению, обладатель счастливого до омерзения баритона был невысокий, невероятно толстый и совершенно лысый человечек. Зато на гладком лоснящемся лице колошились невероятно пышные усы пшеничного цвета.

– Сегодня дождь обещали, – продолжил тот без перехода, смерив просыпающийся народ благожелательным взглядом крошечных глазок, – вот и пришел вас поторопить! Тихон уже и грузовик свой прикатил. Вас ждет!

– Нормально, – хохотнул Макс, усаживаясь на матрасе. – Сам спрашивает – сам отвечает: надолго ль к нам – уже и грузовик ждет!

– Языкатов, а тебе слово не давали! – проснулся Михалыч, не спеша поднялся и, отчаянно зевая, подошел к гостю. – Доброго утречка, уважаемый. Не знаю, как звать-величать...

– Да какое, к чертям, утречко? – Толстяк расплылся в счастливой улыбке и крепко пожал Михалычу руку. – Уже скоро полдень будет. А небо тучи замели. Вот и беспокоюсь о вас. Мало ли, вдруг времечко жмет?

– Ничего нам и нигде не жмет! – Режиссер с недовольной миной с трудом выдернул руку из крепкого рукопожатия незнакомца и смерил того подозрительным взглядом. – А вы, собственно, кто?

– Ох, ну да! Простите, не представился. Русальчиков. Председатель колхоза!

– А-а-а! – Михалыч снова смерил того уже оценивающим взглядом и расплылся в фальшивой улыбке: – Очень приятно! А я смотрю – явно большой человек пришел! Так и подумал, что вы из начальства.

– Вот же сука, – шепнул на ухо Федору Петр. – Даже тут умудрился человека унижить. Смешно – такого коротышку назвать большим человеком.

– Но, кажется, наш «большой человек» этого даже не заметил. – Кир украдкой кивнул на улыбчивого председателя.

– Ну, тогда, гости дорогие, выходите во двор и грузитесь в машину. Я вас там подожду. – Русальчиков уже развернулся, чтобы выйти. Но его остановил вопрос Гены, словно тень появившегося позади Михалыча:

– А куда поедет, шеф? Мне людей куда попало селить нельзя!

– Зачем куда попало? – Толстячок обернулся и даже задрал голову, чтобы посмотреть верзиле в лицо. – Я куда попало и сам вас не определю! Как же – гости из самой Москвы! В монастырь поедет. Там уже и комнаты для вас подготовлены. И хранитель ждет, предупрежден.

– В монастырь? – От такой новости даже Альбина подняла свои телеса и встала рядом с начальством. – Это который разрушенный?!

– Ну конечно, красавица! Только он не совсем разрушен. Там живут несколько человек, и я подумал, что вам будет удобно жить там, где вы будете работать. А деревня рядом! Километрах в двух будет, если через поле. Вечером у нас и клуб работает, и столовая, и даже пивная. Таверной назвали!

– Вы правы, дорогой! Монастырь можно и изнутри изучить, и историю его выпросить! Все просто идеально! – принялся расшаркиваться Михалыч. – Спасибо большое!

– Большое пожалуйста! – закивал председатель и коlobком выкатился за дверь.

– Слышали, Лентяевы? – Михалыч обернулся и оглядел всех. – Даю на сборы пять минут. Ехать надо! Быстрее материал отснимем – быстрее из этой дыры вырвемся!

За пять минут они, конечно, не управились, но за полчаса вытащили и погрузили все оборудование, затем Альбину с Михалычем, ну, а после в грузовике допотопного тарантаса поместились и остальные.

– Если честно, впечатление – что мы на съемках фильма. А этот грузовик – реквизит. – Федор оглядел местное отделение милиции с высоты некрытого грузовика, домики, разбросанные между цветущих садов. Даже оценил желтую ленту дороги, теряющуюся из вида где-то между пестреющих цветами лугов.

– Скорее реквизит – это мы! Потому что именно мы выглядим чужими на этом празднике жизни, – возразил Петя и почему-то тоскливо вздохнул.

– Вы устраивайтесь, а я завтра к вам подъеду. Посмотрю, как расположились. Тимофей вас довезет и проводит. Все будет в лучшем виде. Да же, Тимофей Игнатьевич? – Председатель заглянул в кабину.

– А то как же, Иван Матвееч. Все в лучшем виде! – ответила кабина.

Федор с облегчением вздохнул, когда грузовичок хрюкнул, пукнул выхлопным газом и резво почухал мимо садов по единственной укатанной дороге.

– Фух, даже не верится, что скоро будем на месте... – Кирилл покосился на Михалыча, а тот, как ни в чем не бывало, о чем-то тихо беседовал со своим заместителем и успевал отвечать на редкие вопросы сидевшей рядом Альбины.

– Что-то мне это место нравится все меньше и меньше! – покривился Макс. – И хранитель какой-то... Хранитель чего? Монастыря? Знаний? Руин?

Федор даже подобрался. Друг словно читал его мысли!

– Да что ты сейчас-то голову греешь? – хмыкнул Петр. – Вот доедем, а после на месте разберемся.

Оставшуюся дорогу парни молчали, размышляя каждый о своем, а когда показались каменные стены обещанного монастыря – зарядил дождик. И хотя он был не особо сильный и совсем не холодный, помятые коробки с оборудованием занесли под навес у ворот за пару минут. Грузовичок, почувствовав свободу, на прощание фыркнул и на всех парах рванул обратно в деревню.

Михалыч прошагал к добротной дубовой двери и, заглядывая в прорезь, прокричал:

– Есть кто живой? Открывайте!

Не получив ответа сразу, он упражнялся в воплях минуты три, а когда обиженно затих, дверь с тихим скрипом распахнулась, и оттуда выглянул высокий худой мужчина. Возраст не понять из-за скрывавшей половину лица растительности. Внизу побитая сединой борода, вверху челка, спадающая до косматых бровей. Только по глазам, ясным и живым, можно было определить, что мужчине лет тридцать пять – сорок. Не больше.

Хотя опять-таки Федор в то утро не был готов поручиться даже за себя, не говоря уже о незнакомом монахе. А может, и не о монахе. Только одежда у него все равно странная: черное платье до пола. Как там ее называют? Сутана?

Дядя смерил их цепким взглядом, задержавшимся на лицах неразлучных друзей, и сдержанно улыбнулся:

– Москвичи? Наслышан о вашем визите. Я Никодим. Прошу в нашу обитель. Чем богаты, как говорится. Но не пакостить! – развернулся и скрылся за дверью.

Михалыч даже рот открыл от такого простодушия, развернулся к подчиненным и замахал руками, задирижировал, поторапливая их.

Чтобы все перетащить и устроиться на новом месте, хватило полчаса. Может быть, справились и быстрее, если бы не невыносимо длинные коридоры, в которых, несмотря на жаркое лето, пахло холодом, сыростью и запустением, если бы не молчаливые, живущие тут люди, которые не объясняли, куда идти, а просто стояли и безучастно смотрели на снующих туда-сюда незнакомцев.

Федору вначале даже грешным делом подумалось, что это не люди, а кто-то... вроде той девчонки, что привиделась ему за стеклом автобуса. А точнее – глюки. Но после того как один «глюк» зычно крикнул Гене «куда прешь», сомнений не осталось. Это жители монастыря. Только не очень общительные, угрюмые бородачи. Федор насчитал их семь человек, включая того, кто открыл им двери.

Наконец, все заняли предоставленные им комнаты в самом конце левого крыла здания. Правое крыло и часть фасада оказались совершенно непригодными для жизни: кое-где обрушена крыша, провалы в стене – точно здание пытались снести, но что-то вдруг помешало рабочим.

– А мрачновато тут! – первым делом выдал Кирюха, едва за ними закрылась дверь.

– А ты думал, что попадешь в женский монастырь? – ухмыльнулся Макс.

– Я думал, что тут будут хотя бы кровати, а не эти лежанки!

Друзья тоскливо оглядели более чем скромное убранство комнаты: вдоль четырех стен располагались четыре довольно широких лавки, в центре – крепко сбитый стол, и одно-единственное оконце с видом на серое небо и такой же серый лес.

– Как тюрьма!

– Так это же монастырь! Как ты хотел? – вдруг вступился Петр. – Здесь люди годами смысл жизни искали, грехи замаливали!

– А при чем тут мы? – Макс поддержал Кирюху. – Я вообще-то в командировку приехал, а не грехи замаливать!

– Ой, да все тут просто! – не выдержал Федор, легонько пнул валявшийся на дороге чей-то рюкзак и сел на лавку рядом с узкой дверью. – Михалычу наверняка выписали на всех хорошие командировочные, включающие в себя приличные посадочные места, а он, падла, видать, деньги экономит. Вот и запер нас, так сказать, поближе к рабочему месту, чтобы материал собирали. А сам эти рублики в карман положит.

– Скорее всего! – вздохнул Кирюха; а парни согласно покивали. – Как бы только его на чистую воду вывести... Может, начальству жалобу на него настрочить?

– Была бы охота руки марать! – покривился Петр и принялся выставлять на стол прихваченный из дома провиант. – Сам когда-нибудь спалится.

– Эт точно! «Змеев» еще тот! – поржал Макс, передразнивая режиссера.

– Не, не Змеев. Козлов! – улыбнулся Федор.

Следующие минут пятнадцать парни изгалялись как могли, придумывая фамилии, которые бы точно могли определить саму суть Михалыча. В итоге им пришлось признать, что Бог шельму метит: Пальцапуа – и в Африке Пальцапуа.

Тут как нельзя более кстати подошла поговорка: «Помяни черта, он и появится». Дверь в комнату друзей без стука распахнулась, и на пороге с видом «не ждали» замер Михалыч.

– Спускайтесь вниз, братцы Тунеядовы. Будем знакомиться с гражданами монахами. А потом распределю задания на неделю. Помните! Чем быстрее отснимем материал, тем скорее вернемся домой!

– Виктор Михалыч, а чего мы в деревне не остались? – поднялся с лежанки Кирилл. – Тут же недалеко! Пешком до монастыря можно дойти.

– Скажи спасибо, что палаточный городок в поле не разбили! – буркнул режиссер и взвился. – Нет, ну каковы Нахаловы? О них переживаешь, заботишься, а они еще и недовольны!

– А матрасы? – поддержал друга Петя. – Мы что, из-за вашей заботы будем спать на этих деревяшках?

– Все! Спускайтесь вниз, ко входу, там и поговорим! – Михалыч решил не вступать в дебаты с недовольным большинством и спасся бегством, с громким хлопком закрыв за собой дверь.

– Знает кошка, чье сало сперла! – буркнул в закрытую дверь Максим.

– Чтоб она еще тем салом подавилась! – от души пожелал Кир, обвел тоскливым взглядом келью и посмотрел на товарищей. – Ну что? Пойдем? Послушаем, чего нового он нам скажет?

– Топор брать? – ухмыльнулся Петя, выудив из рюкзака походный топорик.

– Эх, кабы помогло... – махнул рукой Кирюха, первым скрываясь за дверью.

Еще на лестнице друзья услышали голоса – точно улей рассерженных пчел. Сравнение подошло как нельзя более верно. Коллеги были, мягко скажем, недовольны. Причем у каждого повод для недовольства был свой:

– У нас матрасов нет и подушек тоже! Про одеяло я вообще молчу!

– Почему меня поселили одну? Я, может, крыс боюсь! А здесь точно есть эти твари!

– А кормить-то будут? Я не собираюсь свои кровные тратить! Выдавайте нам командировочные, если не в состоянии обеспечить всем необходимым!

– Мы будем жаловаться руководству!

– А ну, замолчали! – Бас Гены тут же возродил тишину, какая первозданно обитала в этих древних монастырских стенах. – Кому не нравится что-то, пишите заявление «по собственному» и топайте на электричку. Остальным – внимание! – и обернулся к обиженно замершему за его спиной режиссеру. – Прошу, говори, Вить.

– А чего говорить? Этим Тупороговым что в лоб, что об стену! – соизволил процедить тот и шагнул вперед. – Значит, что касается матрасов и прочих спальных принадлежностей, вот, Фома Григорьевич, местный завхоз, вас снабдит всем необходимым. – Он указал на высоченного монаха, который молчаливо подпирал стенку. – После собрания пройдет с ним. Второе: кормить будут. Я узнал, в монастыре кормят хоть и просто, но сытно. Финансы я за неделю кормежки уже отдал. Ну, и последнее! Альбина, золотце, ты спишь не одна, а со мной. И не ржать! – тут же рявкнул он, убив на корню зарождающиеся смешки, и пояснил: – Просто мне места не хватило. Пока.

Альбина окинула его оценивающим взглядом и кокетливо улыбнулась:

– А вы крыс не боитесь?

– Я боюсь только не сдать работу в срок. А из крыс я в Кандагаре шашлык делал.

– Врет и не краснеет! – шепнул Федор парням.

– А вдруг не врет? – Кир сделал страшные глаза. – Тогда диагноз «пуля в голове» объясняет его задвиги.

Друзья уткнулись в пол, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, а Михалыч напоследок порадовал:

– Сейчас товарищ Никодим проводит вас в столовую. План на сегодня: все собирают оборудование, расселяются, и можете даже сходить в деревню. Там есть магазин и даже пивнушка. – Он поднял палец вверх, привлекая внимание, выдержал паузу и предупредил: – Но не увлекайтесь! Помните – быстрее отснимемся, быстрее вернемся в цивилизацию! Кстати, там есть клуб, и, насколько мне известно, сегодня там какая-то культурная программа.

От такого заявления народ и думать забыл о прежних обидах и радостно загудел.

– Вот же, Гадов, выкрутился! – Петр почесал подбородок. – А я думал уже сегодня обратно в город поедем.

– Еда будет, кровать тоже, даже деревенский магазин в нашем распоряжении, а может, и красивые доярочки... – Макс мечтательно закатил глаза. – Мне здесь уже нравится!

День покотился дальше примерно так, как его и предсказал Михалыч. Сперва народ накормили обалденно вкусной гречневой кашей с молоком, затем каждый получил сверток, состоящий из ватного матраса, постельного белья, подушки и одеяла. После, когда комнаты более или менее стали выглядеть по-человечески, все принялись доставать из коробок оборудование и готовиться к первому дню съемок.

Федор управился первым. Камера в чехле, тренога – что еще нужно для дешевого документального фильма? Посмотрев на мучения друзей – Макса, заряжающего батарейку к осветительным приборам; Петра, пытающегося на коленке состряпать план-сценарий; Кирилла, настраивающего микрофоны портативной студии, – Федя решил не путаться под ногами, вызывая приступ здоровой зависти, и вышел за дверь.

Пройдя по коридору, он вслушался в шаги, эхом отражающиеся от каменных стен, и даже невольно поежился: интересно, сколько лет этому монастырю? Сто? Двести? Сколько тайн было погребено в этих стенах? Сколько людей здесь перебивало?

– О! Разгильдяев! – Позади хлопнула дверь. Федя поморщился, услышав довольный голос режиссера. Недаром в их съемочной группе ходит верная примета: если Михалыч счастливый – жди беды! – А ты что тут слоняешься?

Федор усмехнулся, нехотя оборачиваясь. Озадачить, что ли, товарища? Почему в слове «слоняться» корень «слон», а означает оно «ходить без дела»? Такие веселые шарady любила загадывать мама, пока он еще жил дома.

– Не знаю, Вить, наверное, слон во мне проснулся.

Михалыч тут же помрачнел и направился к нему:

– Ты чего, паразит, опять водку пьянствуешь? Уже заговариваться начал. Или чего растительного употребил?

– Вить, ты ел их гречку? – Не-е-ет, если идиот, это надолго!

– Ну? – окончательно впал в ступор режиссер. – И че?

– А то, что с такой едой никаких допингов не требуется! – Федор развернулся и уже хотел сбежать по лестнице, но дотошный Михалыч решил его без напутствия не отпускать, видимо, чтобы показать, кто в доме хозяин.

– Ты себя самым умным тут не считай! Если делать нечего, сходи на кухню и принеси мне чай с бутербродами. Да побыстрее!

– А чего тут считать, если так оно и есть на самом деле? – тихо буркнул Федя и вытянулся во фронт под подозрительным взглядом начальника. – Есть, мой генерал! Я могу идти?

– И желательно бегом! – рявкнул Михалыч и бросил ему вслед: – Тупорогов!

Да хоть Горшков, лишь бы не в печку!

Федор спустился в холл монастыря, подсвеченный только тусклыми лампами, подозрительно покосился на серую ткань, ниспадающую с потолка до пола там, где по идее должен быть ход в разрушенное крыло, подошел к двери столовой, где они обедали, и заглянул внутрь.

– Эй? – Никого! Как будто все вымерли. Может, на кухне кто есть? – Мне бы чаю...

Подождав для верности несколько секунд, он пересек быстрым шагом столовую, или, как тут ее называли, трапезную, и толкнулся плечом в неприметную дверь кухни. Если честно, он не ждал, что она откроется, но дверца, скрипнув, с неохотой приоткрылась. Федор заглянул и даже присвистнул: здоровенная русская печка с открытой заслонкой, рядом два холодильника, напротив длинный стол и обычная электрическая плита. Мельком оглядев стоявшие вдоль дальней стены шкафы с всевозможными кастрюлями и банками с крупами, Федя нако-

нец-то заметил на верхней полке ярко-оранжевую упаковку со слоником и надписью «Индийский чай». Подставить табурет и сдернуть желанную добычу было делом одной секунды. Вот только вместе с упаковкой заварки на пол шлепнулась толстенная книга.

Подобрав, Федор положил упаковку чая на стол и бережно поднял книгу. Тяжелая! Обтянута потемневшей кожей. Желтые от времени страницы. Текст написан чернилами.

В голове тут же зароились мысли. Раритет! Сколько же такая будет стоить, если ее отвезти в антикварную лавку? Или, может, сразу в музей?

– Эй, мирянин, тебе чаво тут нужно? – Добродушный бас, внезапно раздавшийся позади, заставил Федора вздрогнуть и поспешно обернуться. В дверях стоял монах: коренастый бородач с пронзительно синими глазами, которые внезапно потемнели, когда тот увидел в руках Федора книгу. – А енту вещь положь! И трогать не моги! Потому как ценная она весьма. Для дома нашего и для зрителя.

– Да я чай искал... а тут книга упала. Я только хотел ее назад положить, – непонятно с чего вдруг принялся оправдываться Федя, но книгу из рук не выпустил.

– Чай? – Монах тяжело протопал к плите, щелкнул переключателем и бухнул на нее здоровенный чайник. – Сейчас заварю. А книгу отдай!

– А что это за книга? – Вместо того чтобы торжественно вручить книгу в протянутую руку детинушки, Федя отступил и небрежно перелистнул несколько страниц. – Наверное, псалмы ваши? Сами придумывали?

Монаха аж перекосило:

– Не трожь, тебе говорят! Еще порвешь! Книга-то бесценная!

– Значит, псалмы! – Федя пробежал глазами строчки. – Как вы ее читаете? Половина чернил стерлась, и еще завитушки какие-то...

– Кому надо, тому понятно! – Бородач наконец-то спал книгу, смерил Федора мрачным взглядом и буркнул: – Эта книга написана в конце девятнадцатого века генералом Русаловым.

– Ух ты! – Парень посмотрел на раритет уже совсем другим взглядом. – А чего пишет?

– Всего помаленьку! – отрезал монах. Хотел было положить книгу на верхнюю полку шкафа, где, собственно, Федя ее и нашел, но посмотрел на любопытного гостя и сунул ее себе под мышку. – Жди, покуда чайник не скипит. Потом туда брось три ложки заварки и пользуй! А еще раз увижу, что суешь свой нос куда не надо – оторву!

Федя проводил взглядом грозного монаха. Ну и ладно!

Усевшись на стул, он стал ждать, когда вскипит чайник.

Вскоре дверь в кухню приоткрылась, и на пороге появился Кирилл. Увидев друга, он расплылся в улыбке.

– Так и знал, что ты тут! Заходил Пальцапуца, обозвал всех Лентяевыми и сообщил, что только Романов пользу обществу приносит.

– Ну да! Чай ему кипячу, – фыркнул Федор и поманил Кирилла. – Я тут, пока общественно полезной работой занимался, раритет один надыбал. Рукопись прошлого века. Как тебе?

– Да ладно?! – восхитился тот. – Так это же... А если ее в Москву привезти?

– Мои мысли читаешь! – усмехнулся Федор и помрачнел. – Только ее монах один забрал. Бугай такой. Не видел?

– Не. Монастырь как вымер! Только мы вместо привидений. – Кир оглядел кухню. – А ничего так у них. Жить можно. Слушай, а я подумал, может, сходим на разведку? Посмотрим, где можно камеру поставить. Ракурс выберем?

– Да не вопрос. – Федор и сам был не рад выслуживаться перед режиссером. – Пойдем. Только сейчас чайник выключу.

Он всыпал полпачки чая в весело булькавший чайник и повернул ручку. Если Пальцапуце так нужно, пусть идет за чаем сам!

Парни вышли в коридор.

– Слушай, а ты в то крыло заглядывал? – Кир кивнул на закрывающую вход завесу. – Может, чего интересного нароем?

Не стовариваясь, они подошли и отдернули ткань.

– Ничего себе! – Федор шагнул вперед. В принципе, ничего интересного там не было. Такая же лестница, уходящая на второй этаж. Каменные стены, окна затянуты целлофаном. Каменный пол выложен цветной мозаикой, изображавшей каких-то людей и даже события из жизни. Вот сцена сражения, вот женщина с ребенком на руках, вот лик какого-то старика. Но больше всего парней заинтересовал ход вниз.

– Интересно, что там?

– Подвал. – Федя пожал плечами. – Или винный погреб. А чего? Монахи тоже люди.

– Вот где нужно снимать! Пойдем? – Кир посмотрел на друга.

Тот помялся:

– Может, завтра? Возьмем фонарей.

– И где мы их возьмем?

– В деревню слетаем, – пожал плечами Федор. – Тем более что мы туда сегодня собирались?

– А вы тут что делаете? – Грозный окрик заставил парней поспешно сбежать по лестнице и оказаться лицом к лицу с Никодимом – мрачным типом, что открывал им ворота.

– Материал изучаем!

– Завтра съемка у нас. Забыли? – Федор, как говорила мама, включил начальника.

– К сожалению, не забыл! – Монах внимательно огляделся, будто проверяя, все ли в порядке, вытолкнул незваных гостей за ткань и строго заявил: – Только снимать я вам позволил снаружи.

– Но чем больше интересного материала мы сможем собрать, тем больше вероятность, что ваш монастырь смогут отреставрировать и сделать памятником старины! – ввернул Кир.

Только этот аргумент на Никодима не подействовал:

– Не нужна нам реставрация. И вообще! Опасно тут.

– Вы думаете, что мы заблудимся в ваших катакомбах? – улыбнулся Кирилл, но его улыбка тут же потухла от мрачного взгляда монаха.

– Я знаю, что не один человек пропал тут без вести. И не хочу, чтобы вас постигла та же участь.

– Пропал? – нахмурился Федор. – У вас тут что, лабиринт?

– У нас тут хуже... – неопределенно заявил тот. – Кстати, скоро в деревню поедет один из наших братьев. Вы не хотите с ним?

Парни переглянулись:

– Можно...

– Ну, мы тогда пойдем... На улице подождем. – Кирилл цапнул Федора за руку и потянул к выходу.

Выйдя на высокое крыльцо монастыря, парни вдохнули полной грудью свежий, пахнувший озоном воздух. Дождь уже закончился, но небо хмурилось рваными тучами, сквозь которые пробивались лучи закатного солнца.

– Ну и что скажешь? – Федя посмотрел на друга.

– Мутно у них все. – Тот покусал губы. – А мне все больше и больше хочется попасть в их катакомбы. Только надо хорошо подготовиться.

– О! Вот вы где! – На улицу вышли Макс и Петр. – В деревню поедет? С доярками знакомиться.

– Поедем, – кивнул Федя, переглянулся с Кириллом и поманил к себе друзей. – Тут такое дело...

Вскоре, как Никодим и обещал, откуда-то с заднего двора послышался шум мотора, и к крыльцу подъехал выдавший виды грузовичок. Розовощекий паренек оценивающе оглядел столичных гостей:

– Ну? Кто тут со мной до деревни поедет? Забирайтесь в кузов.

Парней не надо было долго уговаривать. Вскоре они сидели под брезентовой крышей и, трясясь на ухабах, негромко переговаривались.

– А если ночью? Днем нас по-любому спалят. – Макс всегда был расчетлив и осторожен. – Только фонарики прикупим, веревку, зажигалку и свечи на всякий случай.

– Зачем тебе свечи? Злых духов отпугивать? – Кир усмехнулся. – Если судить по тому, что мы видели, неплохо было бы еще и лестницу прикупить. Мало ли!

– И как ты эту лестницу протащишь? – Петр, все это время не проронивший ни слова, помолчал и предложил: – Лучше не торопиться. У нас есть неделя на съемки. Надо выяснить, что за книга и что за тайну скрывают монахи. Почему они не хотят, чтобы мы отсняли монастырь изнутри? И вообще, что произошло с монастырем? Почему одно крыло не пострадало, а в другом точно бомба взорвалась? Кстати, я тут поговорил с одним из братьев. Так он рассказал мне прелюбопытные детали. Оказывается, монастырь долгое время был заброшен. А лет пять назад пришел хранитель Никодим и с тех пор там живет, попутно позволяя жить бродягам и погорельцам.

– Ну и что? Может, ему податься некуда? А так и сам при деле, и людям помогает, – хмыкнул Кир.

– Тогда почему он не хочет, чтобы монастырь реставрировали? И почему его называют хранителем? И откуда он, спрашивается, взялся? – Петя качнул головой. – Нет. Тут что-то другое. Может, он хранитель, потому что хранит какую-нибудь тайну?

– Тогда почему нас пустил? – нахмурился Макс.

– Пустил-то он нас отснять фасад, и не более. Может, ему денег дали? А в подвалы-то он нас не пускает. Почему?

– Да может, действительно переживает! Еще обвал произойдет, здание-то древнее, а ему отвечай за столичных гостей. – Федор пожал плечами. – Тогда план такой: все выясняем, а попутно попытаемся пробраться в подвал. У меня, в случае чего, есть еще одна портативная камера, можно прямо там и отснять.

За разговорами парни не заметили, как лес, а затем и поле остались позади. Грузовичок чихнул и остановился. Хлопнула дверца, и к ним в кузов заглянула мордаха водителя:

– Прибыли. Давайте все покажу, расскажу.

Парни спрыгнули в мокрую от дождя траву и огляделись. Действительно, прибыли. Улочка, возможно, только одна асфальтированная во всей Сухаревке, тянулась вдаль, а по обе стороны красовались разноцветные домики, окруженные яблоневыми садами.

– В общем, если хотите в клуб, то пройдете вперед три дома и повернете направо. Там же найдете и пивнушку. Магазин чуть дальше, не доходя милиции. А я съезжу по делам и тут вас дожидаться буду.

– Не вопрос.

– Найдем.

Вскоре они действительно вышли к перекрестку и послушно повернули направо. Клуб, старое двухэтажное здание с колоннами, они увидели сразу. Возле невысокого крыльца уже стояли парни и нарядные девушки, а из клуба доносилась танцевальная музыка.

– Вон ваши доярки! – усмехнулся Федор.

– А ничего такие... – оценил Макс.

– Смотри только, чтобы их дояры тебе морду не начистили. – Петя, верный семьянин, только качнул головой, скрывая улыбку.

– Это мы еще посмотрим, кто кому и что начистит! – хмыкнул Кир.

Местные парни, заметив чужаков, встретили их появление настороженно. А вот девушки, наоборот, принялись поправлять прически, постреливать глазками и о чем-то шептаться.

– Кажется, мы произвели фурор! – тихо отметил Кирилл.

– Вот этого я и боялся! – вздохнул Петя.

В клубе было накурено и играла до боли знакомая попсовая песенка, под которую и отрывалась местная молодежь.

– В общем, делать тут нечего! – констатировал Федор. – Пойдемте лучше в магазин.

– А мне нравится! – Кирилл довольно огляделся.

– Да. Вы идите, а мы тут пока побудем. Все разузнаем! – поддержал его Макс, выуживая деньги. – Вот моя доля.

– Отдай еще и за меня, – попросил Кир, ввинчиваясь в разгоряченную толпу танцующих.

– Вот вечно он так! А отдавать кто будет? Если я его друг с незапамятных времен, это еще не значит, что у меня под кроватью стоит печатный станок! – Макс со вздохом протянул Федору еще одну трешку и вслед за Киром бросился в толпу.

Петя какое-то время смотрел на дергающихся в танце товарищей.

– Как бы с ними чего не случилось... – и, хлопнув Федора по плечу, направился к выходу.

– Да мы же скоро вернемся! – успокоил тот не то друга, не то себя.

Магазин они нашли быстро. Просто поинтересовались у шедшей навстречу женщины, и она их буквально за ручку привела к длинной деревянной постройке с гордой вывеской «Универмаг».

– Здесь у нас все! И порошки, и мыло, и даже недавно модный шампунь завезли «Видал сосун вши вон» называется! – болтала без умолку она. – Так у нас вся деревня его раскупила. Хоть вшей и нету, да мало ли! Говорят, волосы он делает пышными и шелковистыми. Я даже на своем старике попробовала. У него уже тридцать лет лысина. Вот жду! Вдруг волосы появятся?

– Обязательно появятся! – едва сдерживая улыбку, уверил ее Федя и вслед за другом юркнул в темное чрево магазина.

К несчастью, из того, что они хотели купить, в магазине оказались только свечи, бельевая веревка и один-единственный фонарик. Но продавец уверил, что к концу недели обязательно завезут все, что им необходимо.

– Куда теперь? – спросил Петя, выходя из магазина. – Пойдем плясунов наших искать?

– А может, зайдём в местный трактир? – Федор посмотрел на медленно темнеющее небо. – Вечер еще только начался. Вряд ли ты сейчас утащишь этих павлинов. Они только распустили хвосты.

– Ну... – Петя тоже огляделся и пожал плечами. – За полчаса точно ничего не произойдет, пойдем.

Местное питейное заведение вполне себе соответствовало и своему названию, и местоположению. Внутри было жарко, людно и пахло перебродившим пивом, табаком и жареным луком, но эти запахи ничуть не портили впечатления. Наоборот, появилась какая-то непонятная ностальгия. Вроде бы и в деревне никогда не жил, и даже в гости не ездил, а вот поди ж ты, разбери...

На темных брусчатых стенах висели гирлянды сушеной рыбы, лука и даже грибов. Конечно, Федор понимал, что этим никто не пользовался и все это висело здесь исключительно для антуража, но так зачесались руки все это запечатлеть на пленку. Когда еще такую красоту увидишь?

Петр меж тем времени даром не терял. Бросив Федору, чтобы тот взял пива и что-нибудь «на закуску», он углядел в темном углу свободный столик и, не замечая внимательных взглядов старожилов, потопал к нему.

Дородная тетка улыбнулась Феде, как родному, и тут же принялась частить:

– Что желаете? У нас как раз завезли Жигулевское.

– Давайте. И какой-нибудь рыбки.

– Да вы садитесь! Я принесу! И откуда же такие красивые мальчики к нам пожаловали?

А рыбки какой? Лещика, сома, окунька?

– Без разницы. – Федор бросил на прилавок деньги и направился к другу. Хотелось сесть за столик и ни о чем не думать, да только из головы все никак не шел дневник Русалова и потемневшая от времени дверь подвала из разрушенного крыла. Что-то там не так. И монах был нервным, когда пытался их выпроводить.

– Хорошо тут... – Петр поднял на него задумчивый взгляд. Видимо, тоже не шла из головы вся эта история.

– Ага. Хороши тайны под пиво... – Федор выдвинул гладкий, отполированный задами посетителей табурет и уселся напротив. – Ты говорил, что находил какой-то материал по этому монастырю?

Петр кивнул:

– Не поверишь, ничего сверхъестественного. Банальная история. Наш генерал был весьма зажиточным и набожным, вот и построил неподалеку от своего имения монастырь. Затем случилась революция. Наш генерал не то свалил за границу, не то погиб. Короче, история это умалчивает. И примерно в то же время монастырь был частично разрушен. Все.

– Ну да, ничего интересного. – Федор понаблюдал, как улыбчивая тетка уставляет столик внушительными кружками, доверху наполненными золотистой жидкостью с пышной пенной шапкой. В центре появилась большая тарелка с уже очищенными окуньками и луковыми кольцами.

Даже сдачу принесла!

– Сдачу не надо. – Петр словно прочитал его мысли. – На развитие вашего роскошного заведения!

Толстуха зарумянилась. По-девичьи хохотнув, смахнула мелочь в ладонь и ретировалась, покачивая бедрами.

– Сервис, блин! – Федя подхватил кружку и двумя глотками ополовинил ее. – Ух ты! Такое пиво в столице не найдешь!

– Что верно, то верно! – кивнул друг, надолго припав к пенному напитку. – Надеюсь, здесь его водкой не заправляют?

– Да ни за что! – К ним подсел вихрастый улыбчивый паренек, только светлые глаза смотрели настороженно и оценивающе. – А вы... дайте угадаю... гости из столицы, что приехали к нам снимать фильм про монастырь. Так?

– А вы, как я погляжу, местный Анискин? – Федор смерил его недовольным взглядом. Ну вот! А так хотелось посидеть в тишине и покое! Сейчас еще начнет на пиво разводить...

– Не! Я местный Захаров. – Парень растянул тонкие губы в улыбке. С чувством юмора. Уже хорошо! – Лесничий я. А надолго к нам?

– Как получится, – буркнул Федя и снова припал к напитку.

– А с чего к нам? Что, других монастырей не нашлось? – Парень точно не заметил прохладного отношения и как ни в чем не бывало продолжал с улыбкой поглядывать на собеседников.

– Видимо, не нашлось. – Петр тоже уткнулся в кружку и, когда пиво закончилось, с сожалением поглядел на дно. – Черт. Про рыбу-то мы и позабыли...

– А у меня предложение! – «Местный Захаров» оживился. – Если вы не торопитесь, конечно... Я возьму еще пивка и расскажу вам преинтересную историю о нашей достопримечательности...

– Вы о монастыре? – Парни переглянулись и заинтересованно посмотрели на лесничего.

– И не только! – Он еще лучезарнее улыбнулся и поднял указательный палец. – Одну минутку!

– И что ты обо всем этом думаешь? – Петр посмотрел на друга, когда их нечаянный собеседник направился к барной стойке.

– Посмотрим. Надо еще узнать, с чего это вдруг он решил с нами тайнами поделиться? – Федор нервно покусал губы.

– Ну, может, он из тех болтунов, что очень любят рассказывать страшные тайны, а так как в деревне, кроме нас, нет никого, кто не знал бы этой страшной тайны, то... – Петя развел руками, – делай выводы! У нас же на рожах написано: «сами мы не местные»! У тебя вон из всей растительности только испанская бородка появляется, и то, если неделю не бреешься, а у меня вообще борода не растет! Видимо, все ресурсы головы ушли в мозг. А рожи местных уже на вторые сутки после бритья становятся похожими на собаку Баскервилей.

– Ну, допустим! – согласился Федор. – Он решил навязать нам свою компанию. Но пивото он нам зачем покупает? По меркам Москвы – это подкуп заинтересованных лиц!

– А вот это ты у него сам спроси! – тихо буркнул Петр, не сводя глаз с подходившего к ним лесничего.

– Не заждались? – Захаров поставил в центр стола поднос с аж шестью кружками пива и парой «фанерок» сушеного леща. – А я тут подумал – куда торопиться, время еще детское, да и за вами, небось, автомобиль закреплен?

– Правильно подумал! – одобрил ход его мыслей Федор и, уставившись в светло-зеленые глаза Захарова, холодно поинтересовался: – Как зовут-то местного историка?

– Захар Егорович, – представился тот.

– И чего тебе, Захар Егорович, от нас надо? На вверенной тебе территории мы не были и бывать не собираемся!

– Вот и правильно! – обрадовался лесничий. – Чего там делать?

– Тогда говори, что именно ты нам хочешь рассказать, или мы пойдем. Нам еще друзей забирать. Они в клубе, тут, за углом!

– А-а... Ну, если вам не интересно услышать о сокровище, которое сторожит хранитель монастыря – на здоровье. Не смею задерживать... – Захар надолго припал к кружке. Потягивая пиво, он будто ничего не замечал. Парни переглянулись, Федор стиснул зубы так, что заходили желваки, а Петя тихо матюкнулся. И, конечно же, никто никуда не пошел. Видимо, лесничий ожидал именно такую реакцию. Ополовинив кружку, он стер рукавом пенные усы и продолжил: – А если вам все же интересно, могу кое на что открыть глаза. Вы же люди не местные, тайн наших не знаете, а если не я, то никогда и не узнаете. В монастыре научились скрывать тайны от туристов...

– Хватит уже тянуть kota за яйца! – не выдержал Петр. – Говори, что тебе нужно, или проваливай к черту со своими тайнами!

– Правильно подметил, товарищ! – улыбнулся в тридцать два зуба Захар Егорович. – Сейчас за так и прыщ не вскочит! Но свой интерес я вам выскажу чуть позже.

Снова отхлебнул пива и заговорил:

– Вы наверняка уже знаете, что монастырь наш, Русалочий, был построен генералом Русаловым. Но это знает любой. А вот как он его построил и чего ради – другой вопрос. Значится, начну сначала, как мне эту историю батя рассказывал. Не всегда генерал, как вы понимаете, был генералом, но вояка был боевой, ни Бога, ни черта не боялся, лез всегда в самое пекло. Однажды, уже в мирное время, пошел генерал на охоту, да чуть было не сгинул. Напали

на него волки. К счастью, рядом проходил монах, и по его молитве волки убрались восвояси. Генерала, понятное дело, взвалил на закорки – и до дома. Чуть живого к ночи допер. Да мало того что допер, он с ним месяц валандался, но молитвами да отварами на ноги поднял. Ну а тот, в благодарность за помощь и исцеление, на свои средства поставил церковь, а потом при ней и монастырь образовался, тоже на деньги Русалова отстроили. Монах тот настоятелем в монастыре стал. И еще говорили, что якобы в подвалах генерал сбережения свои немалые прятал да икону чудотворную, что исцеляет и даже оживить может. – Рассказчик посмотрел на парней. – Но, сами понимаете, проверять мне это было негде. Генерал после революции, когда народ совсем озверел и имение его пожгли, решил перебраться в монастырь. Наверное, надеялся пересидеть большевиков, а может, просто не успел свалить за границу. Но на монастырь тоже напали, и сгинул генерал в подвалах вместе с дочкой.

Парни какое-то время молча продолжали сидеть, не сводя с леснического глаз. Наконец, Федор отмер:

– Хочешь сказать, в подвале монастыря до сих пор спрятаны сокровища?

– Хочу. И говорю! И даже уже сказал! – прищурился рассказчик и белозубо улыбнулся.

– А на фига сказал? – Петр сидел мрачнее тучи, с подозрением поглядывая на рассказчика. – Зачем первым встречным раскрывать такую тайну?

– Ха-ха! – театральнo бросил Захар и, качнув головой, обвел рукой зал: – Да здесь каждый второй знает ее в моем исполнении и каждый первый в общих чертах. Потому что неинтересно! Никому!

– Что значит неинтересно? – Друзья даже переглянулись.

Федя наклонился к новому знакомому и трагичным шепотом заявил:

– Как могут быть неинтересны исторические ценности? Даже если мы найдем этот клад и никому не скажем, можно будет до старости сдавать по чуть-чуть в комиссионку. А если почестному отдать государству, то нам все равно четверть клада причитается. По закону.

– Все дело в том, что эта история так навязла в зубах, что люди попросту не верят, а если даже верят – не хотят рисковать!

– Рисковать? Чем? Сломать шею в подвале? – Петр устал смотреть на принесенное пиво и, взяв кружку, сделал несколько жадных глотков. – Так можно подготовиться. В чем трудности?

Лесничий тоже придвинулся ближе:

– У нас были странные случаи. Когда монастырь пустовал, я жил там и оберегал его от любопытных, но все равно в подвалы проникали туристы и либо не выходили, либо их находили совершенно спятивших. – Захар прихлебнул пиво и буднично закончил: – Потом в монастырь пришел хранитель, и вся эта чертовщина прекратилась...

– А что за хранитель? Никодим?

– Откуда он взялся? Почему не нашел клад?

– Почему ты не остался? – Друзья забросали Захара вопросами, но тот отвечать не спешил. Взял с подноса вторую кружку и пояснил:

– Говорят, хранители – это потомки того первого монаха, что спас генерала. Это вроде как их место... – Захар недобро усмехнулся, но, заметив взгляд Федора, только махнул рукой: – Бесит меня новый хранитель! Где был этот Никодим, пока батя монастырь от разворовывания спасал? А как только смутное время закончилось – нарисовался! А клад ему не нужен. Трус он! Знает, что без разрешения призрака ходу в подземелья нету. Сгинешь, как и все!

– Призрака? – Парни снова переглянулись, только теперь в их взглядах сквозило одно – псих.

– Ну да. – Захар будто не заметил их взглядов. – Говорят, что клад откроется тому, кого призрак встретит да чуть ли не за ручку к сокровищам проведет.

– И? – Петр демонстративно посмотрел на наручные часы и перевел взгляд в уже изрядно потемневшее окно. – Кого-нибудь он уже провел? Ну, призрак монастырский?

– А ты читал об этом в газетах? – вопросом на вопрос ответил лесничий. Разделался с кружкой пива и поднялся. – Не знаю, есть призрак или нет, но... будь я в монастыре, не стал бы ждать приглашения. Такие богатства не каждый день встретишь.

– Так кто мешает? – Федя тоже поднялся.

– Так хранитель и мешает. После того, как он в монастыре воцарился, ни я, ни мой батяня туда ходу не имеют... А вы осмотритесь! Очень хорошо осмотритесь... – Захар задержал взгляд на Петре, перевел на Федора и, не прощаясь, направился к выходу.

– С ума сойти! – выдохнул Петя, когда за странным лесничим захлопнулась дверь. – А может, парень... того? – Он выразительно покрутил пальцем у виска.

– Может... да больно у него все гладко выходит. – Федор, подумав, прихватил со стола нетронутую рыбу. – А если он нам только что заказал ограбление монастыря и смягчил все это историческими фактами?

– А мы типа ни сном ни духом. Повелись как два городских лоха на сказочку! – хохотнул Петро и тут же помрачнел. – А ведь так оно и есть! Повелись! И поймал он нас на любопытство и жадность!

– Я уже, грешным делом, думаю, а не подмешал ли он какую дрянь в наше пиво?

– Но тогда он рисковал. Мы ведь могли и отказаться от его угощения...

– Пятьдесят на пятьдесят...

– Но мы выпили...

– А может, сегодня слазаем? Глянем... Черт! – Сообразив, что он только что сказал, Федя зажал руками рот и, не ответив на прощание толстухи-продавщицы, выбежал на улицу.

– Да... Федь, а он и вправду нас зацепил. Я думаю о том же! – Петр торопливо вышел следом. – И что нам делать?

– Ладно, потом решим. Пойдем парней вытаскивать из этого гнезда порока. – Федя направился к зданию клуба.

Глава 3

1880 год. Генерал Русалов.

Поместье с самого утра дышало праздником. Гостиная была убрана живыми цветами и лентами, в соседней комнате расставлены ломберные столики, на которых лежали нераспечатанные колоды карт.

Основное празднество должно пройти в саду, там же и поставили огромный стол, на котором гости будут оставлять подарки и записки с пожеланиями имениннице.

Силантий в который раз осмотрел приготовления и остался доволен. Присел отдохнуть, и сразу же к нему подбежала белокурая девчушка. Доченька!

– Папенька, красивое у меня платье? – Она посмотрела на него голубыми глазенками, наполненными чистейшим счастьем.

– Ты у меня сама красавица, Марьюшка. – Силантий подхватил дочку и усадил себе на колени.

– Папенька, вы мне платье помнете. – Девчушка нахмурила белесые бровки, но в тот же миг заулыбалась. Чмокнула отца в щеку и сморщила прелестный носик. – Вы колючий.

Марья спрыгнула на пол и закружилась, показывая отцу свой наряд.

Силантий знал, что дочка не злится, только вид делает. Если злиться начинает, глаза из голубых становятся темно-синими, что небо в летний полдень. Эта особенность ей от матери досталась. От Софьи Михайловны.

– Не молчите, папенька, мне важно знать о платье.

Силантий вдруг подумал, что дочка слишком быстро повзрослела. Десять лет пролетели, как и не было. Слово вчера он ее в колыбели качал и ночью прислушивался, дышит ли. Он и не знал, что младенцы спят так тихо, что и не услышать дыхания. Софья Михайловна улыбалась снисходительно и успокаивала супруга, но ему все равно было боязно. Нянькам Силантий не доверял. Как можно чужой бабе родное дитя оставить? Потому и просиживал ночи напролет рядом с кровинушкой.

А сегодня вот день рождения у его ангелочка. Десять годков. И ведь не успеешь оглянуться, как замуж выйдет, отчий дом покинет.

Марья вдруг перестала кружиться и кинулась к отцу:

– Папенька, что с вами? Не грустите. Если платье не нравится, я прикажу Настасье немедленно другое подать. У меня на сегодня три смены будут. Но я вам по секрету скажу, – Марья огляделась по сторонам, словно боялась шпионов, – это платье – мое самое любимое, потому как маменька его смастерила.

Платье и правда было красивым. Струющийся атлас нежно-бирюзового цвета, расшитый серебром и мелким, похожим на капли росы, жемчугом. Рюши и оборки придавали ему необходимой праздничности, но в то же время выглядели скромно.

– Это самое красивое платье из всех, что я видел, – честно ответил Русалов.

– Папенька, я вас люблю.

Марья послала родителю воздушный поцелуй и устремилась по лестнице вверх, где ее ждал цирюльник.

– Силантий Матвеевич, скоро гости начнут собираться, а ты все не одет. – В зал вошла Софья Михайловна. Как всегда величава, царственна. На этот праздник она выбрала бархатное платье бордового цвета, которое показалось Русалову очень тяжелым, похожим едва ли не на доспехи. Корсет подчеркивал и без того тонкую талию супруги и поддерживал полную высокую грудь. На шее змейкой блестела скромная серебряная цепочка с блестящей слезинкой топаза и серьги из того же гарнитура. На запястье легкий браслет.

– Прислуга готова, повара в срок управились. Вот только гувернера Марии я отпустила на сегодня. Пусть его, ему нужно навестить больную тетку. – Софья всегда называла дочь именно Марией. Никаких сокращений и ласкательных имен. Злилась, когда Силантий обращался к дочери Марья, говорила, что так кличут деревенских девок. Но он, когда супруга не слышала, все равно называл своего ангелочка Марья. Это имя мягче и подходит дочери куда больше.

Супруга расстроено поморщилась и добавила:

– Наша Мария, – на имени особый акцент, – чисто егоза. Уроки учить не желает, с прислугой общается как с ровней и даже нагрубила преподавателю арифметики.

Силантий едва сдержал улыбку. Он вспомнил себя в детстве. Марья пошла в него. И даже лучше, что на мать характером не похожа, хватит в доме и одной снежной королевы. Хотя внешне Марья и Софья были одно лицо.

– Все образуется, душа моя.

– Тебе виднее. – Женищина поправила и без того безупречную прическу с вплетенными в нее лентами и цветами. – Я прослежу за приготовлениями. – И добавила невпопад: – Не прохладно ли в саду, Силантий Матвеевич? Может, все же в доме останемся?

– Софья, август на дворе. Дождя уже неделю не было, солнце печет.

– Тебе виднее, – повторила она и, сделав легкий реверанс, покинула зал.

Силантий остался один и, как это обычно с ним бывало, предался воспоминаниям.

Перед глазами встала та страшная ночь, когда его товарищи вырезали и сожгли половину цыганского табора. Воспоминания, даже после стольких лет, были такими яркими, что он снова почувствовал запах гари и услышал детский плач.

Как ни старался, как ни гнал от себя страшные мысли, забыть ничего не получалось. Первое время просыпался среди ночи с криками, мокрый как мышь, и долго потом не мог заснуть.

А все она, Дарина. Приходила во сне почти каждую ночь, вставала перед ним и смотрела бездонными черными глазами. Рана на груди сочилась кровью, а она улыбалась и не говорила ничего. Только во взгляде все читалось без труда. Боль, страх и ненависть. Лютая, ледяная ненависть.

И роза на плече. Почерневшая, прогоревшая.

Она прокляла его тогда, страшно прокляла. Да только, видать, не настолько сильно оказалось цыганское проклятье.

После этого происшествия их полк перевели в Санкт-Петербург. За следующие годы карьера Силантия взлетела до небес. Он дослужился до генерала, получил ордена за доблесть и героем вернулся домой, а там Русалова уже ждала новость. Родители таки добились согласия на брак с дочкой помещика Соломатина Софьей.

Он не хотел этого брака, не было у Силантия любви к этой холодной, надменной красавице, но родительское слово – закон. К тому же возраст уже приближался к тридцати, пора и семьей обзавестись. Да и полюбить уже никого больше не сможет. Дарина точно душу выжгла!

Порой казалось, что Софья Михайловна все это по взглядам и прикосновениям его читает. Любила ли его жена? Силантия это не заботило. А уж когда супруга родила дочку, то совсем все просто стало. Спальни у них с тех пор были разные, что обоих вполне устраивало.

Марьюшку Силантий любил беззаветно, и она отвечала ему тем же. А вот Софья – снежная королева – к дочери относилась снисходительно. Может, и любила, но как-то отстраненно, не материнской любовью – точно одолжение делала.

Марья всеми силами тянулась к матери, но всегда как на стену натыкалась и не понимала, почему же так происходит. Все же мамишка родная. Не раз Силантий заставлял

дочку в рыданиях, но на все расспросы она отвечала односложно: грустно, ушиблась, живот болит... Он гладил ее пиленчатые локоны, заглядывал в глазенки, которые в такие моменты почти теряли цвет и были серыми, как тучи перед дождем. Успокаивал как мог. Старался радовать обновками, на ярмарку в город возил. Да только понимал, что материнскую любовь ничем не подменишь.

Пробовал говорить с Софьей. Она отвечала, что это вздор и его выдумки. Дочь она любит и жизнь отдаст за нее, не задумываясь.

Не в этом ли проклятье цыганки? В жене нелюбимой и дочери обездоленной?

Да разве же несчастна Марья по-настоящему? Может, и права Софья Михайловна – вздор и выдумки, и он сам себе все это накручивает.

Он потряс головой, отгоняя наваждение, и достал из кармана халата, который до сих пор не сменил на праздничный костюм, бархатную коробочку. На белой подушечке, вспыхивая кровавыми всполохами, лежало ожерелье. Тончайшая паутина благородной платины крепко держала рубиновые капли, выложенные причудливым узором. Марьюшке ожерелье обязательно понравится. Позже подберутся и серьги, к Рождеству уж обязательно.

Месяц назад Силантий поехал к ювелиру и заказал эту вещицу. Рубины редчайшей чистоты были похожи на благородное вино, в котором навсегда утонули солнечные блики.

– Ваша супруга непременно будет довольна, – расшаркивался ювелир, древний старик, который не растерял мастерства и слыл кудесником на всю округу, – а вам могу предложить изготовить перстень с таким же камнем.

– Это не для супруги, для дочери, – при упоминании о Марье Силантий расплылся в улыбке, – а перстень, пожалуй, закажу. Может, когда-нибудь родится у нее сын, я ему по наследству передам.

– Мудрое решение, – похвалил заказчика мастер, собирая в кошель монеты и ассигнации.

Гости прибывали и прибывали. И встречал их у ворот сам Силантий Русалов в генеральском мундире с орденами. Супруга с именинницей находились здесь же и принимали поздравления.

– Мария, ты очаровательна. – К маленькой ручке приложился губами старый Соломатин.

– Благодарю, вас, дедушка. – Марья присела в реверансе и улыбнулась.

Софья Михайловна, стоявшая рядом, одобрительно кивнула.

Мать Софьи, Евдокия Соломатина, положила на плечо внучки затянутую в перчатку ладонь и коротко поклонилась.

Очень скоро Силантий начал уставать и сбился со счета, принимая гостей. А когда, наконец, подъехала богато украшенная карета, он едва ли не вздохнул с облегчением. Этот экипаж прибыл последним. Граф Владимир Орлов с супругой Еленой и сыном Евгением.

– Силантий Матвеевич, голубчик, давно не виделись, – расплылся в фальшивой улыбке граф, высокий седой мужчина с военной выправкой. – Не надоело сидеть в этой глуши? Может, на службу вернешься?

– Еще успеется, Владимир Андреевич, вот дочку замуж выдам и тогда подумаю.

Граф улыбнулся Марье и тут же обратился к Силантию:

– Красавица растет! А не сделать ли нам нашу дружбу еще крепче, дорогой вы мой Силантий Матвеевич? У вас, как говорится товар, а у нас купец.

«Купец» стоял, уцепившись за юбку матери одной рукой, а второй крепко сжимал игрушечную саблю. Вид у него был неважный. Слишком худ, на бледном лице огромные серые глаза, которые не придавали очарования, а скорее делали его похожим на филина. Тонкие губы, чересчур крупный рот и вздернутый нос. Вот, пожалуй, и весь портрет молодого графа...

– Евгений, подойди, поздравь именинницу.

Мальчик нехотя оторвался от матери и, скривив губы, направился к Марье.

Силантий интуитивно встал рядом, как бы стараясь защитить дочь. Графу этот жест не понравился, о чем он не преминул сообщить.

– А вы, Силантий Матвеевич, словно не рады будущему родству?

– Рано о родстве толковать, – отбрил его Русалов, – и вы ошибочно приняли мое поведение за недовольство.

– А мне кажется, из них получится прекрасная пара, – вмешалась Софья Михайловна. – Мария, иди поиграй с Евгением!

– Как скажете, маменька, – покорно отозвалась та.

– Вот и порешили! – Граф протянул генералу руку. – Зовите на четырнадцатилетие, заодно и помолвку объявим.

– Пройдемте в сад, гости дорогие, – холодно улыбнувшись, пригласила Софья.

Силантий посмотрел на дочку и понял, что праздник для нее испорчен бесповоротно, а если он не защитит ее от этого брака, то, может, и вся жизнь...

Полуденный зной спал, но духота еще не отступила. Дамы обмахивались веерами, их кавалеры сняли тесные пиджаки и щеголяли в жилетах. Очень скоро гости разделились на группы, пили вино и переговаривались о чем-то своем.

Прислуга уже не суетилась, а лениво бродила по саду, подавая напитки и легкие закуски.

Силантий нашел взглядом стоящую у клумбы Марью и подозвал к себе. Он не желал, чтобы кто-то видел его подарок. Это будет их с дочерью тайна. Софья Михайловна не любит подобных украшений, считает их вычурными и безвкусными. Не хотелось бы, чтобы своим недовольством она окончательно испортила Марьюшке настроение.

– Ангел мой, у меня для тебя подарок. Только прошу пока сохранить его в тайне, матушка может не одобрить.

– Неужели котенок? – Глаза Марьи заблестели радостью. – Такой, как у моей подруги Аннушки? Персидской породы? А я-то уж думала, что вы забыли о моем желании, папенька. Только как же я спрячу его от матушки?

У Силантия сжалось сердце.

Котенок! Дочка уже год твердила о нем, после того как увидела это пушистое чудо. Эх, как же он мог забыть? Не подумал, что девочке в этом возрасте не интересны драгоценности. Она ведь совсем дитя. Да только обратного пути нет.

– Прости, милая, котенка я тебе обязательно подарю, очень скоро, но не сегодня. Договорились?

Марья кивнула и потупилась, скрывая разочарование. Стремясь загладить неловкость, генерал протянул дочери бархатный футляр. Та помедлила, но взяла.

– Открывай! – улыбнулся Силантий, глядя, как маленькие пальчики развязывают бантик.

На милом личике дочки заиграла улыбка, когда она открыла коробочку, и за эту улыбку Силантий мог отдать все, что угодно.

– Благодарю, папенька. Очень красиво. Камни так и светятся! Обещаю надеть это ожерелье на мой первый бал. Дайте я вас поцелую.

– Рад, что угодил. – Силантий сжал ее в объятиях. – А теперь беги и спрячь это в спальне. Я буду ждать тебя здесь, а после мы с гостями перейдем в дом, будем резать торт. Я поручаю тебе угостить наших гостей. Справишься?

– Можно только Жеку не буду угощать? – бесхитростно выпалила девчушка. – Он противный, и мне совсем не нравится. Да, я знаю, что барышине не пристало вести себя столь неподобающим образом. – Марья даже попыталась спародировать фальцет немца, который обучал ее манерам, и даже поправила невидимые очки на носу.

*Выглядело это до того потешно, что Силантий не выдержал и рассмеялся:
– Похоже. А теперь беги!*

Пока Марья не было, Силантий лениво рассматривал гуляющих по саду гостей. Ему совсем не хотелось их развлекать, пусть это делает супруга. И не важно, удастся ли потом избежать пересудов, мол, Русалов – плохой хозяин. Как слыл он нелюдимым солдафоном, так и останется, старайся не старайся.

Взгляд наткнулся на Орлова-младшего. Мелкий поганец увлеченно рубил игрушечной саблей розовый куст, на который Софья Михайловна потратила почти все лето. Надо бы оставить, но, глядя на это безобразие, Силантий в какой-то момент испытал нечто похожее на удовольствие. Розы супруга любила сильнее, чем родную дочь, и в саду проводила времени больше, чем с Марьей, даже когда та болела. А ведь нет лучшего лекарства, чем материнская забота.

Русалов посмотрел на погибающий куст, развернулся и пошел к дому, куда уже спешили гости, услышав зов Софьи Михайловны.

Он успел вовремя. Супруга решила, что пришло время вручить свой подарок Марьюшке, и подозвала к себе дочь:

– Мария, настало время моего подарка. Закрой глаза.

– Я в предвкушении, матушка. – Марья послушно выполнила ее просьбу.

Софья довольно улыбнулась и махнула кучеру Акиму:

– Зови!

Тот поспешно кивнул и бросился к воротам.

Все заинтересованно обернулись. Какое-то время ничего не происходило, но вот до гостей донеслись первые гитарные аккорды, а за ними низкий женский голос.

Силантия как ледяной водой окатили. В сад цветной каруселью ворвался цыганский табор. Женщины в цветастых юбках закружили вокруг гостей, в руках каждой бились бубны, издавая залиvistый звон, и под эту какофонию ярко накрашенная немолодая цыганка выводила залихватскую песню.

Вот только как генерал ни старался, не смог разобрать слов. Все звуки доносились до него будто через стеганое одеяло. Он хотел зайти в дом, но, опасаясь, что ставшие ватными ноги не выдержат, обреченно продолжал стоять, глядя на цыганские пляски.

Трое чернявых мужчин вывели здорового медведя на цепи. Зверь неуклюже пританцовывал и разевал розовую пасть. Марья заливалась счастливым смехом, кружась вместе с цыганками.

Когда слух постепенно вернулся, Силантий добрел до крыльца и с тихим стоном осел на длинную лавку. Руки дрожали, в горле стоял ком. Внезапно заметив взгляд супруги, генерал вздрогнул. Она смотрела холодно и с такой неизбывной бесконечной тоской, что стало страшно.

Сообразив, что привлекла внимание мужа, она попыталась улыбнуться, но не смогла. Отвернулась. Силантий мог поклясться, что Софья прятала слезы. Было неловко видеть, как она, сильная женщина, которая умела сдерживать себя в любой ситуации, сейчас бессильно ссутулилась. Ее плечи едва заметно вздрогнули, но вот прошло несколько мгновений, и Софья обернулась. Не сводя взгляда с мужа, она быстрым шагом подошла к нему и едва слышно выдохнула:

– Так это правда, Силантий Матвеевич?

– Что – правда, Софьюшка?

– А правда в том, что не любил ты меня никогда!

– Что ты такое говоришь? – Силантий, не в силах смотреть на нее снизу вверх, поднялся.

– Помнишь Антона? Сослуживца твоего? Он заезжал, когда ты на охоте был. И рассказал мне и о цыганке, и о любви твоей.

Силантий сглотнул колючий комок. И тут стервец успел напортить!

– Что ты молчишь? – Софья прищурилась.

– Прости...

Может, и не любил он ее, как Дарину, но уважал. Благодарен был больше жизни за доченьку, ангела светлого!

– Значит, правда. – Софья смахнула слезинку и сказала, как отрезала: – Поздно прощения просить, Силантий. Я ведь всегда надеялась и верила тебе, но, видимо, не судьба. Завтра же я уеду к родителям, не пытайся меня остановить. Я все для себя решила. – И тут же, как ни в чем не бывало, бросила: – Приглашай гостей в дом, дождь вот-вот начнется. Не будем портить праздник. Я сменю платье и присоединюсь к вам.

Софья Михайловна холодно улыбнулась ему, точно и не было сейчас между ними этого разговора. Эх, а ведь он даже не знал, что она такая. Умеет чувствовать, обижаться... а может, даже любит его, дурака старого?

По стеклам всюду барабанил проливной дождь. Цыгане, слава тебе боженька, уехали, и гости разместились в теплом большом зале. Приглашенные из столицы музыканты негромко играли вальс, и по паркетному полу кружили прекрасные пары.

А может, придумал он себе любовь? Не любовь то была, а наваждение цыганское. А настоящая любовь, жизнь – вот она! Софья и доченька. Каким же он дураком был, что не видел свою судьбу! Сам свою душу в кандалы тоски и вины заковал!

– Папенька, а отчего не торопится мама? Я скоро стану резать торт! – Голос Марьюшки вырвал Силантия из мучительных дум.

Силантий улыбнулся дочери:

– Не беспокойся. Пойду позову твою матушку.

Поднявшись в спальню, он помялся у закрытой двери. Точно школяр, ей-богу! И робко постучал. Дверь с тихим скрипом, генералу показалось – со стоном, приоткрылась, являя его взору пустые покои жены.

Паника навалилась внезапно. Липкий страх обвил тело, делая ноги ватными.

Он бросился вниз, успокаивая сам себя. Что может случиться? Дома? В родном имении?

Спустившись, он первым делом позвал прислугу. Три горничные, испуганно заикаясь и бледнея, хором поведали, что хозяйка уже полчаса как вышла в сад и с тех пор не возвращалась. Русалов, не дожидаясь помощи участливых гостей и меланхоличных слуг, вырвался под проливной дождь. Неведомо каким чутьем, но он точно понял, где искать супругу. В усадьбе было только одно место, куда она могла пойти после их недолгого разговора. Пруд.

Силантий повелел вырыть его в день их свадьбы. По желанию супруги было изготовлено каменное ограждение берегов. Позаботились о том, чтобы их будущие дети не упали в воду, когда станут здесь играть. Только в одном месте вода подходила к каменистому борту. Там стояла почерневшая от времени беседка и качалась на волнах прогuloчная лодка.

От непогоды вода в пруду покрылась рябью и сейчас казалась темной, почти черной. Генерал с облегчением увидел статную фигуру жены. Она стояла у самой воды. Высокая прическа намочена от проливного дождя, платье липло к телу, а Софья, будто не замечая ничего, стояла, закрыв лицо руками.

– Софья, – окликнул ее Силантий, подходя ближе, – почему ты ушла? Марья скоро будет резать торт, да и гости заскучали.

– Силантий, не мучь ты меня! Уйди! – Она даже не обернулась. – Ступай к гостям. Дай побыть одной.

Силантий помялся, не решаясь прикоснуться к жене. А прикоснуться надо было бы! Не оставлять же ее под проливным дождем! Решено! Сейчас этот мутный день закончится, и он попытается все исправить! Ведь не каменный он, и полюбить сможет. Обязательно сможет. А если и Софья к дочери так относится, потому как его пустоту сердечную чувствует? Не от любви дитя родилось.

Силантий сделал шаг.

Эх, давно надо было покаяться, попросить прощения. Ведь не заслужила она такой доли. Кабы не он, могла и по любви замуж выйти, и прожить совсем иную, счастливую жизнь – ту, которую он ей не смог дать. Да и не старался Русалов этого сделать. Любил как проклятый – цыганку. Может, и впрямь она его тогда приворожила? Только Дарина умерла, а Софья – вот она, теплая, живая. Не заслужил он ее, ох, не заслужил.

– Софья, скажи только, в чем вишишь меня? Верным был тебе все годы. Заботился.

– Силантий, ты ведь и сам все знаешь, понимаешь. – Она резко обернулась и уставилась ему в глаза. Силантию отчего-то стало по-настоящему страшно. И не хотелось ему услышать то, о чем он просил, но он понимал – уже не остановить и не исправить! – Но раз хочешь от меня слышать, пожалуйста. Помнишь, как ты к моим родителям свататься пришел? Столько лет прошло с тех пор, а я помню тот день как сейчас. Как увидела тебя – в тот же самый миг полюбила!

Сердце Русалова пропустило удар и замерло, словно боялось биться дальше.

– А помнишь, ты уехал от турок отбиваться? Меня одну оставил. Я ведь даже не знала, вернешься ты живым или нет. Но верила и молилась каждый день. Минуты считала до встречи с тобой.

Силантий невесело усмехнулся. Отвел взгляд от глаз жены, разглядывая потемневшие волны пруда. Как он мог не помнить? В тех боях генерал надеялся, что его найдет шальной итык или сабля турка. Избавит от горечи-тоски. В бою погибнуть не зазорно. Да только вражьи клинки и пули от него как от заговоренного уходили. В самое пекло лез, а все как с гуся вода. Русалов тогда маленько успокоился. Решил, что цыганское проклятье не работает, и раз судьба его бережет, то не стоит ее лишний раз испытать. А раз решено, значит, сделано. Вернулся домой с орденами. Родилась Марья. Жизнь пошла своим чередом.

– Пока ты воевал, ко мне приходил твой товарищ Антон. Замуж меня он звал, Силантий. Говорил, что не любишь, а только о цыганке своей и мечтаешь. Увезти меня обещал туда, где ты бы нас не нашел. – По ее красивому лицу скользнула дьявольская улыбка. – Отказалась я, потому как тебя одного любила.

От упоминания имени предателя Русалов непроизвольно сжал кулаки.

Даже не знал, какие слова подобрать. Да и нужны ли они? Ведь Софья уверена, что он ее не любит и не полюбит никогда. Эх, если бы Антон не погиб тогда, пару лет назад, то он бы гольми руками придушил его сейчас.

И тут же закралась крамольная мысль. А что, если бы Софья не отказалась? Может, лучше бы ей с Антоном было? Ведь любил он ее, выходит? Или просто больно ему сделать хотел?

Гадать уже бесполезно.

– Софья, прости меня за все. Да, не разглядел я твоей любви, но ведь все еще может поменяться! Сколько лет мы уже вместе? Дочка подрастает. – Он шагнул к ней с намерением обнять, но Софья отпрянула от него, как от прокаженного, и шагнула в воду. Точно безумная, она принялась пятиться от него, заходя все глубже. А когда черные воды пруда скрыли ее по пояс, остановилась, замерла, уставившись на свое отражение:

– Силантий, что это? Кто это?!

Русалов обмлел. Вместо лица супруги в мелкой ряби воды явно угадывались жгучие черты Дарины.

Черные волосы рассыпались по плечам, глаза горят дьявольским огнем. И улыбка... Улыбка палача, пришедшего за жертвой, и то была бы более сострадательной!

Чтобы не видеть этого кошмара, Силантий крепко зажмурился и почти сразу же услышал крик жены и громкий всплеск. Распахнув глаза, он не увидел Софьи. Только круги по воде идут, а в них расплывается отражение Дарины и слышен ее смех...

Не раздумывая, Силантий бросился в воду, но как не искал, так и не смог разглядеть в черной воде тела жены. Пруд был неглубок, но сейчас у него словно вообще дна не оказалось. Вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, он услышал крик Марьи:

– Папенька! Вернись! Мне страшно! Папенька!

Марья стояла на берегу и ревела в голос. Бирюзовое платье перепачкано. Видимо, упала, пока бежала сюда. Она размазывала слезы по лицу и никак не могла успокоиться.

Вдруг возле отражения дочери генерал снова увидел проявляющийся из глубины облик цыганки.

– Не трожь! – взревел он и в несколько гребков достиг берега. Выбравшись на камни, он крепко прижал к себе дочь. Единственное, что теперь связывало его с жизнью, с реальностью...

Тело Софьи нашли только через два дня. Дворовые шептались, будто за корягу платьем зацепилась, а после бури тело илом занесло, но генерал знал, что всему виной Дарина. Проклятье нашло его. И теперь главная задача – защитить Марьюшку.

Глава 4

Федор, как из болота, медленно и с надрывом, выплывал из тревожного сна. Да будто и не из сна, а из воспоминания... Генерал... Цыгане... Что за бред?

Рывком поднявшись, он сел на матрасе и схватился за раскалывающуюся голову, старательно пытаясь избавиться от картинок сна и хоть что-то вспомнить из реальной жизни. А точнее, события прошлого вечера. Нет, общение в пивнушке с местным лесничим он помнил отчетливо, а вот потом...

Кажется, они пошли за друзьями... Нет, точно пошли! И даже нашли их распивающими с местными какую-то мутную жидкость. И даже поддались на уговоры местных отведать их чистейший первачок! А потом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.